

Лара Дивеева

ПРОЧИТАЙ МЕНЯ

16+

Лара Дивеева

Прочитай меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68461606

SelfPub; 2023

Аннотация

К школьному вечеру встречи Аля готовилась пять лет. Она вернулась, чтобы блеснуть перед бывшими одноклассниками, особенно перед Никитой Королевым, разбившим ее сердце. Они дразнили ее тупой оборвашкой. Они над ней смеялись. Пять лет она готовилась переиграть прошлое и залечить детские обиды. Результат превзошел ожидания. Вот только... Иногда сбывшиеся мечты слишком похожи на разочарования. Иногда, чтобы увидеть себя, надо посмотреть в глаза другого человека. Знающего Алю лучше ее самой. Способного прочитать то, что не может она. Фото на обложке Africa Studio по лицензии shutterstock

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вечер встречи	9
Глава 2. Свидание	31
Глава 3. Благотворительный вечер	55
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Лара Дивеева

Прочитай меня

Пролог

Учителя обещали, что мы можем стать кем угодно. Достичь любых высот. Воплотить в жизнь любые мечты.

Я мечтала стать Изабеллой Лариной.

Мечтала давно, с первого класса, когда нас посадили за одну парту и я увидела ее розовый пенал с картинками фей из мультиков. А еще у Изабеллы были туфли с разноцветными огоньками, красивые голубые глаза и влиятельные родители.

У меня не было ничего из перечисленного, в том числе пенала. Ручка и вечно ломающийся карандаш терялись на дне старой тетиной сумки, которую я использовала вместо портфеля.

С родителями мне повезло еще меньше, чем с пеналом. Отца я не знала, а место гулящей мамы заняла двоюродная тетя. Одинокая пожилая женщина желала мне добра, но у нее не было ни средств, ни способностей к вынужденному материнству. Зато у тети были связи, сомнительные, но эффективные. Женатый любовник ее подруги определил меня в приличную школу и помог продержаться в ней до конца.

Чудом, потому что без его протекции да с моими оценками не видать мне ничего хорошего.

«Будешь тянуться вверх и добьешься успеха!» – наставляла тетя, очень гордясь тем, что смогла пристроить меня в хорошую школу. Она искренне верила, что я, закомплексованная голодранка, найду свое счастье среди благополучных и обеспеченных детей. Таких, как Изабелла Ларина.

У Изабеллы было все, о чем я мечтала. Или, правильнее сказать, я училась мечтать, наблюдая за ее жизнью и слушая ее рассказы. В те годы я ниоткуда больше не могла почерпнуть таких знаний о красивой жизни, какими делилась моя соседка по парте. У нее было все – золотистый загар, каникулы в Италии, модная одежда и косметика, популярные вечеринки...

Идеальная внешность и сказочная жизнь.

Изабелла жила в красках, а я смотрела ее жизнь, как кино.

К тому же она была отличницей, а я еле окончила школу. В эпоху конформизма я не соответствовала стандартам и ожиданиям – не умела, не знала, не могла, не успевала. Не вписывалась в рамки, и рядом не было никого, кто бы сломал их и выпустил меня на волю.

Меня дразнили тупой оборвашкой.

А Изабелла олицетворяла все идеальное и правильное. Будь она плохим человеком, я бы невзлюбила ее, но к искренности и доброте не придерешься. В те чистые ранние

годы я не испытывала зависти, не знала ее горького, едкого привкуса. Я желала Изабелле добра и с восторгом следила за ее жизнью.

«Однажды, – обещала я себе. – Однажды...» Я не могла выразить в словах, что именно произойдет со мной в это «однажды», но оно обещало быть потрясающим и необъятным. Невероятным. С пылкой детской уверенностью я ждала чуда.

В те годы, с восторгом глядя на розовый пенал Изабеллы, я и не подозревала, что однажды у нее появится то, что меня ломает. Задавит отчаянием, выпотрошит и отравит желчью горячей зависти.

Никита Королев. *Король.*

Он был предназначен для меня.

Стоя в дверях, новенький ученик пробежался взглядом по классу и заметил меня, незаметную. Несовершенную и неправильную. Учительница задавала ему вопросы о переезде, о прошлой школе, но он, казалось, не слышал ее. Смотрел на меня, как зачарованный, и молчал.

А я замерла, задержала дыхание. От волнения на лбу выступила испарина.

Никита не был первым парнем, который на меня смотрел, но он был единственным, кого я заметила. И кого замечала с тех пор.

Тогда-то я и влюбилась. С первого взгляда, настолько значимого и пристального, что он изменил мою жизнь на дол-

гие годы.

А потом учительница сказала:

– Никита, сядь с Изабеллой Лариной, она поможет тебе освоиться.

Сгорая от острой, горячей ревности, я смотрела, как Изабелла убрала сумку со стула, освобождая место. Никита сел, и она открыла учебник на нужной странице и положила посередине парты. Переглянувшись, они улыбнулись друг другу. Внутри меня заворочался комок боли, тошнота поднялась к горлу. Хотелось вмешаться, отвлечь Никиту и напомнить обо мне.

Но в глубине души я знала, что неизбежное не предотвратить.

На месте Никиты я бы тоже выбрала Изабеллу.

Вот так быстро и необратимо закончился наш несостоявшийся «роман» с Королем. Он влюбился в Изабеллу и больше на меня не смотрел.

Мое нутро вибрировало от отчаяния. Я страдала, на глазах у всех излучала душевную боль. Искренняя и наивная, даже не пыталась скрыть свою влюбленность, не прятала ее за показным равнодушием и притворством. Сочилась чувствами, не боясь насмешек и сплетен, хотя и знала, что мои надежды не оправдаются. Никита идеален, а как известно, все идеальное принадлежит Изабелле. Жаль, что я забыла об этом в тот момент, когда влюбилась в него с первого взгляда. Остро, до одержимости, на которую способно шестнадцати-

летнее сердце. До слепоты, застилающей разум и мысли.

Я могла сдаться и перестать верить в хорошее, но не позволила себе эту слабость. Сжав зубы, я погналась за своим волшебным «однажды». Учителя сказали, что каждый может стать кем угодно. Достичь любых высот. Воплотить в жизнь любые мечты. Они повторяли это постоянно, со страстью и убежденностью, но их никто не слушал.

Кроме меня.

Я поверила.

Я смогла.

Выбрала мечту, лелеяла ее, боролась и добилась своего «однажды».

Я стала Изабеллой Лариной.

Глава 1. Вечер встречи

К вечеру встречи я готовилась пять лет.

На выпускном балу, прячась за стендами в заколотом булавками чужом платье, я поклялась, что однажды приеду на вечер встречи и завоюю восхищение одноклассников. Все восторженные и завистливые взгляды будут на мне. Не на Изабелле, не на десятке других красивых и популярных одноклассниц, а на мне – тупой оборвашке, привыкшей заедать свои печали. Сбежав с выпускного, я до утра бродила по городу и мечтала о будущем. Позволяла себе невероятные и пьянящие фантазии о том, как стану самой красивой и успешной и удивлю одноклассников... Подстегиваемая детскими обидами и юношескими гормонами, я мечтала напропалую.

Пять лет я помнила о данном себе обещании. Не забывала ни на минуту, не позволяла ни капли слабости.

Пять лет работала над собой, и вот наступил день, которого я ждала. Мне есть чем впечатлить одноклассников – внешний вид, отличная профессия, успех.

Я приехала на вечер встречи и...

Струсил.

Спрятавшись за гаражами около школы, стою на краю огромной грязной лужи и не могу сдвинуться с места. В горле скребется страх, ладони вспотели. Когда долго и тщательно

но готовишься и на многое надеешься, разочарование неизбежно. А я не хочу разочаровываться, потому что слишком долго ждала этого дня.

Смотрю на школьный двор, на обшарпанные прутья решетки... вот там мальчишки на спор прыгали с гаражей и разрисовывали стены разноцветными мелками. Соседи ходили к директору жаловаться, и тогда учителя устраивали засаду. А вон там, на побитом временем асфальте, кучковались родители, дожидаясь конца школьного дня...

Я трачу время на пустые воспоминания, слишком безличные, чтобы что-то для меня значить. Лучше вспомнить, как одноклассники украли мои тетради и наткнули их на прутья решетки, сказав, что я слишком тупая, чтобы ходить в школу. Или тащили меня к мусорным бакам, чтобы я поискала в них одежду получше моей. Или советовали сесть на диету, чтобы накопить денег и купить мозги.

И вот я приехала на вечер встречи, чтобы похвастаться, какой стала и чего добилась. Я мечтала об этом так долго и преданно...

Говорят, важная цель стоит любых жертв. Наверное, это правда, но только если в конце ты получаешь то, о чем мечтал. Иначе ты чувствуешь себя идиотом, который рискнул слишком многим и проиграл.

Мимо проходят бывшие одноклассники, улыбаются друг другу, спешат на вечер встречи, а я прижимаюсь к холодному металлу гаража в надежде, что меня не заметят и у моей

слабости не будет свидетелей. Еще минутку – и я соберусь с силами и войду в школу.

Пять лет назад я дала себе клятву, и сейчас я ее выполню.

18:35

18:40

Опаздываю на десять минут, но это даже лучше для эффектного появления.

Между прутьями решетки видны освещенные окна школы, в них силуэты. Узнаю Наташу Потапову с неизменным хвостиком на макушке. Рядом с ней Карина, она выше всех в классе.

18:45

Заставляю себя выбраться из-за гаражей. В семь вечера все пойдут в актовый зал слушать приветствие директора школы, и я не хочу входить туда в одиночку. Слишком много посторонних взглядов. Зайти в класс как-то спокойнее, да и легче произвести желаемый эффект.

Проходя мимо окон, замечаю, что парта во втором ряду свободна, и принимаю это за доброе знамение. Сегодня я не стану забиваться в дальний угол и прятаться от одноклассников. Пусть на меня смотрят.

Сделав глубокий вдох, улыбаюсь в темноту, внутрь себя, где ноют детские обиды.

Что ж, прошлое, готовься! Сейчас я наподдам тебе по заднице.

Школа совершенно не изменилась, даже пахнет так же – бумагой и моющими средствами. Только незнакомые имена на доске почета и парадная дверь больше не скрипит, вот и вся разница. По пути ловлю на себе заинтересованные взгляды и улыбаюсь. Пять лет не прошли даром. Строгая диета помогла разыскать фигуру под слоями лишнего веса. Облегающее лавандовое платье достаточно короткое, чтобы мужчины смотрели вслед, но без вульгарности. Натренированное тело без мышечных эксцессов, длинные ухоженные волосы, умелый макияж...

Да, я хвастаюсь. На моем месте, посвятив самоусовершенствованию пять лет, вы бы делали то же самое. Я выжала из своей внешности все возможное – и даже больше. Мне нравится быть красивой, и я горжусь тем, что сдержала данное себе обещание.

Наступил момент истины – сейчас я поверну прошлое вспять.

Дойдя до конца коридора, останавливаюсь, потирая вспотевшие ладони. Внутри меня взрывная смесь восторга и страха.

Толкаю дверь.

18:50

Голоса одноклассников прерываются, смех затихает. Классная руководительница подходит ближе, рассматривает меня, ее очки сползают на кончик носа.

– Извините за опоздание! – выдаю по привычке школьных

лет. Ответная тишина настолько выразительна, что ежусь от неловкости. Выставлять себя напоказ непривычно и страшно, даже если на меня смотрят с восхищением.

От волнения перехватывает дыхание, лица одноклассников превращаются в размытые пятна. Я больше не могу вспомнить, зачем вернулась в школу и почему была уверена, что прошлое можно исправить.

Кто-то предлагает место рядом с собой, но я сомнамбулой двигаюсь к парте, которую облюбовала с улицы. Сажусь вполоборота, нога на ногу, медленно поправляю подол. Бывшие одноклассники впиваются взглядами в четвертый палец правой руки, проверяя мой статус. Свободный статус.

Я покачиваю ногой, и Наташа Потапова щурится, рассматривая марку туфель на высоченной шпильке. Поднимает брови, и я вижу зависть в ее глазах. В школе я мечтала быть такой, как они, мои обеспеченные и благополучные одноклассники, и наконец выгляжу такой же, но... отличаюсь еще сильнее.

Я не рассчитывала на долгую тишину, не заготовила умные фразы, поэтому просто улыбаюсь классной руководительнице.

– Ирина Семеновна, вы замечательно выглядите!

Учительница смущается, протирает стекла очков и что-то бормочет себе под нос. Остальные молчат, снова заставляя меня ежиться от волнения. Я надеялась произвести впечатление, но реакция одноклассников похожа на шок.

И тут с задней парты раздается мужской голос:

– Оборвашка, что ли?

Классная руководительница моментально входит в роль.

– Филиппов, сколько раз я просила не называть так...

Алю? Аля Гончарова?! Это ты, что ли? – спрашивает с изумлением.

Они меня не узнали?

Они решили, что я зашла не в тот класс, поэтому и разглядывали меня так долго, и молчали.

Шепот пополз по классу, и я напрягла слух, потому что мне дорого каждое слово. Сохраню в памяти комплименты и, вернувшись домой, буду перебирать их, заживляя детские раны.

«Оборвашка... неужели она? Надо же какая... Точно, она. Ни фига себе изменилась... Вот же Золушка, мне б ее крестную фею...»

Мне даже в голову не пришло, что одноклассники меня не узнают. А ведь это неудивительно, я и вправду очень изменилась.

– Слушай, оборвашка, а ты ничего так. Хорошо отмылась. – Узнавший меня Максим Филиппов покручивает на пальце обручальное кольцо.

Я успела прийти в себя, поэтому подмигиваю и весело отвечаю:

– Еще бы, целых пять лет мылась!

– Теперь не получится называть тебя оборвашкой... лад-

но, будешь Алей.

– Нет уж, не станем нарушать традиции. – Я смеюсь, но внутри поднимается горечь. Победа оказалась слишком легкой, и это неправильно. Невозможно так быстро перечеркнуть прошлую боль.

Карина смотрит на меня с сомнением и хмурится.

– Ты не обижаешься за прозвища? В детстве ты плакала, когда тебя дразнили. Тупой оборвашкой, дурной овцой, помнишь?

Сама она никогда меня не дразнила, но и защищать не спешила. Иногда я задавалась вопросом, кто хуже – те, кто причиняет боль, или те, кто равнодушно проходит мимо.

– Кто прошлое помянет... – снисходительно машу рукой.

Голос срывается, внутри все горит, словно кислоты глотнула. Я предаю себя, потому что «обижаться» – это слишком мягко сказано. Я *болела* чужими насмешками и злыми словами. Дети бывают безжалостны. Для них я была тупой оборвашкой – из-за внешнего вида и потому что читала и писала с трудом. А фантазия у меня всегда была бурной, я придумывала истории и сказки. Дети слушали, удивлялись, а потом дразнили меня с удвоенной силой, потому что тупая оборвашка не должна казаться им интересной. Потому что выделяться из толпы бывает опасно.

В поговорке все четко прописано – кто прошлое помянет, тому и глаз вон. И я бы пожелала «глаз вон» всем и каждо-

му, кто меня обижал, но я не из мстительных. Я приехала на вечер встречи, потому что мне надоело быть раненой прошлым. В школе я не смогла защититься от обидных слов, они въелись под кожу, в самое нутро, и давно пора вырвать их оттуда. Закрасить прошлое новыми событиями – например, восхищением одноклассников. Может, тогда я найду то, о чем мечтала с детства – волшебное «однажды».

Однако впечатлить одноклассников оказалось слишком легко. Бренддовая одежда, красивая внешность – и дело сделано. Но от этого внутри ничего не изменилось, и я сжимаю край парты до белых костяшек и не знаю, что делать дальше. Собиралась прийти, поразить – и все. Золушка исчезнет с бала, не разбрасывая обувь. Особенно ту, что у меня на ногах, – на такие деньги можно безбедно прожить три месяца. Я поразила одноклассников, это точно, но не хватает реакции Никиты Королева. От волнения я до сих пор не рассмотрела всех присутствующих. Как только успокоюсь, пробегусь взглядом по классу и...

При мысли о Никите по коже бегут сотни молний.

– Ну, ты даешь! Всех на лопатки уложила. Мужики закапали парты слюной, – завистливо шепчет Наташа, теребя неизменный хвостик на макушке.

– О чем ты, Наташ?! Не преувеличивай! Я в городе проездом, по делам, вот и решила зайти. Очень рада повидаться, – говорю с наигранной веселостью.

Одноклассники обмусоливают невероятную новость –

превращение оборвашки в принцессу, – а я набираюсь смелости и оборачиваюсь. Веду взглядом по рядам...

Восьмая парта у окна – та, за которой всегда сидели Никита с Изабеллой, – пуста.

Это вызывает дикий внутренний протест, словно у меня был договор с судьбой и та гарантировала присутствие Никиты на вечере встречи. У нас на удивление дружный класс, большинство встречаются каждый год и вешают отчет в соцсетях. Никита всегда в первых рядах, и в этот раз он тоже обещал прийти.

Однако его нет.

Изабелла и Никита не пришли полюбоваться на мой триумф.

Я сдулась, как воздушный шарик в конце детского праздника. Без Никиты моя победа кажется неполной и пресной. Я вернулась, чтобы увидеть восхищение на *его* лице. Пусть пожалеет, что вместе со всеми смеялся надо мной и над моей влюбленностью.

Смотрю на бывших одноклассников и не могу вспомнить, зачем хотела их впечатлить. Несмотря на их восхищение и зависть, удовлетворения я не ощущаю. Шок от моего появления рассеялся, и ребята принялись обсуждать насущное: институтские проблемы, поиски работы, зарплаты, отношения. Марта успела дважды развестись и снова собирается замуж. У Захара появилось брюшко, еле за партой умещается. В школе его нещадно гоняли на уроках физкультуры, а в ин-

ституте он расслабился. Ника крутит роман с женатым бизнесменом и не стесняется этого.

Раньше казалось, что все они лучше меня, тупой оборвашки. А они... обычные.

Но нет, я не собираюсь портить праздник сомнениями. Не все потеряно. Никите обязательно расскажут о встрече, покажут фотографии. Жаль, что не увижу его реакцию, но что поделаешь...

– Пора в актовый зал! – прихрамывая, Ирина Семеновна идет к двери.

Я спешу к ней, пристраиваюсь рядом. С ней мне легче, чем с одноклассниками. Попутно замечаю, с каким восторгом те разглядывают мою фигуру. Пусть восхищаются, я это заслужила. Пришлось забыть, что такое «плохие» углеводы и с чем их едят.

– У вас до сих пор болит колено? – спрашиваю учительницу. Сколько помню, она жаловалась на боль в суставах.

– Так куда ж оно денется, колено-то! Вот, коплю деньги на операцию. – Учительница покосилась на мою брендовую сумочку. Если я предложу ей деньги, она не откажется от подарка. Я бы обязательно предложила, если б они у меня были, те самые деньги. Ирина Семеновна хорошо ко мне относилась, поддерживала, защищала.

«Гончарова рассеянная, невнимательная, не пытается понять задания, выполняет от силы половину, ей наплевать на учебу...» – жаловались другие учителя.

Ирина Семеновна помогла мне с русским и литературой, хотя они и не были ее предметами. Благодаря ее усилиям меня допустили к экзаменам, и сдала я их тоже во многом благодаря ей. Чудом. На удивление терпеливая женщина! «Скажи, как тебе объяснить, и я постараюсь», – твердила она, и мы начинали сначала. Порой я гадала, почему ей не все равно, зачем тратит на меня столько сил.

Я смотрю, как она морщится, поднимаясь по лестнице, и мне не хочется ее впечатлять и поражать. Внутри нет ничего, кроме слов благодарности. Я бормочу их, краснея от неловкости, и она кивает. Больше ничего не говорит.

Максим Филиппов пристраивается рядом, пытаюсь взять меня под руку.

– Ты плывешь на каблуках, как фея! – делает кривой комплимент. Эк его зацепило, беднягу женатого. Даже феи и те поплыли.

– Это дело привычки, – отвечаю, высвобождая локоть. Впечатлить бывших одноклассников – это одно, а вот влажные руки на лавандовом платье – совсем другое. Неприемлемое другое. Да и платье не мое, надо быть аккуратней. Тетина знакомая работает в элитном магазине, и они зачастую балуются тем, что носят отказные вещи. Богатые люди покупают наряды, а потом возвращают с кучей претензий. Продащицы втихаря носят отказную одежду или одалживают родным и знакомым. Вот я и воспользовалась связями тети в очередной раз. Для образа восставшей из пепла Золушки

нужна брендовая одежда, а я не трачу деньги зря. На квартиру коплю.

Мы заходим в актовЫй зал, и я нервничаю, как в школьные годы. Нарощенный за годы защитный панцирь дает трещину, и вот я снова тупая оборвашка, не верящая в себя. Хочу забиться в угол, где меня не заметят и не обидят, но одноклассники тянут меня к самой сцене.

– Второй ряд пустой, мы все поместимся! – радостно восклицает Наташа.

Я хотела переписать прошлое, и вот, пожалуйста, мы идем все вместе, как неразлучные друзья, не способные прожить друг без друга даже полчаса. Толпа смыкается вокруг меня, удерживает в ловушке, и от этого бешено стучит сердце. Хочу спрятаться, исчезнуть. В школе я старалась не высываться, слиться с толпой. Сегодня пришла покрасоваться, но... зря я верила, что вечер встречи сможет изменить прошлое, хранящееся у меня в голове.

Пришедшие рассаживаются по местам, и директор выходит на сцену. Все те же седые волосы в строгом пучке, прямая спина и серое вязаное платье. Наверняка у нее их целая коллекция, я никогда не видела ее в другой одежде.

Улучив минутку, пока директор возится с микрофоном, высматриваю место в последнем ряду. Там безопаснее: я вижу всех, но никто не видит меня. Шагаю в проход, сопровождаемая десятками любопытных взглядов. Кто-то меня зовет,

но я ускоряю шаг.

До последнего ряда остается несколько шагов, когда я поднимаю взгляд и замираю.

Никита Королев. *Король*.

Стоит, прислонившись к двери, руки в карманах. Разглядывает меня так откровенно, что в животе скручивается нервный клубок. Вот она, моя мечта, – *впечатлительный Король*.

Он вырос, стал еще привлекательней. Высокий, широкоплечий, привлекающий внимание. В волосах светлые выгоревшие пряди, значит, недавно из отпуска. Глаза то серые, то зеленые. Помню, как любовалась ими, затаив дыхание и пытаюсь угадать цвет.

И вот мы встретились снова.

Не обращая внимания на тишину в зале и на монолог директора, Никита присвистывает в знак восхищения.

– А-ля! – растягивает мое имя, говорит достаточно громко, чтобы услышал весь зал.

Никита меня узнал.

От этого все тело пронизывает внезапным восторгом. *Если узнал, значит, не забыл. Вспоминал обо мне все эти годы.*

Энергичная дама бросается наперерез и занимает облюбованное мною место в последнем ряду. Я остаюсь в проходе на глазах у всех.

– Привет, Никита! – улыбаюсь.

– Аля Гончарова, надо же... – поигрывает бровями и подмигивает. – Надеюсь, ты не уходишь. Уж чего-чего, а такой

встречи я не ожидал. – Смотрит на меня с искренним восхищением, как на чудо света. В его необычных глазах сияют смешинки крохотными искрами. От его взгляда кружится голова.

Останавливаюсь прямо перед ним, глаза в глаза. Всегда мечтала именно так на него посмотреть – смело, не стесняясь, даже вызывающе, и чтобы он не видел никого вокруг, только меня. Я мечтала так сильно и преданно, что реальность не подвела. Никита настолько впечатлен, что игнорирует полный зал свидетелей и недовольную директрису.

А я пошатываюсь, как после двух бокалов шампанского. Внутри лопаются крохотные пузырьки счастья. Сладкие, как мед и шоколад, компенсация за годы без сладкого. Пять лет я готовилась к этому моменту, и он стоил усилий и жертв. Пять лет за эту минуту, за горящий и жаждущий взгляд Короля. За его руку, выжигающую искры на моем плече.

– Ты собиралась уйти? Останься, пожалуйста! – просит он.

В ответ я загадочно изгибаю бровь.

Никита так близко, что ощущаю его всей кожей. Чувственный озноб встряхивает тело до пальчиков на ногах. Не слышу директора, она похожа на гигантскую рыбину, беззвучно открывающую рот. Мой мир сосредоточен на мужчине рядом. Никита проводит ладонью по моей спине, и меня простреливает жаром. Становится тесно в конфетной обертке платья, оно царапает кожу.

Отец Никиты владеет сетью магазинов, и, закончив обучение, сын влился в семейный бизнес. Вокруг него такие де-вушки, до которых мне еще совершенствоваться годами, а при этом он смотрит на меня с восторгом, словно впервые увидел противоположный пол. От этого горит кожа и слова присохли к языку. *Королевская лихорадка.*

– Никита, перестань так на меня смотреть, отвлекаешь!

– Я смотрю на тебя с чисто исследовательской целью: пытаюсь найти изъян. Пытаюсь, но не могу. Ты стала роскошной женщиной, Аля. Красивых баб много, но вкус и хороший стиль есть далеко не у всех. Посмотри на бывших школьных красавиц! – Обняв меня, Никита заставляет обернуться и показывает на зал. – Они стали грубыми, потасканными бабами. А твоя красота естественная, как есть, без ухищрений – и не отвести глаз.

Его дыхание щекочет шею. То и дело касаясь моей кожи губами, он улыбается, когда я вздрагиваю. Восхищается искренне, как ребенок, и я поневоле улыбаюсь в ответ.

Мне потребовалось пять долгих лет, чтобы добиться этой *естественной красоты*, и я не собираюсь сдавать позиции. Восхищение Никиты щекочет что-то внутри, становится тепло. Просыпается раненое эго, и для него комплименты как живительный бальзам.

Сглотнув, силюсь прийти в себя.

– А где Изабелла? – Стараюсь, чтобы вопрос прозвучал непринужденно.

Никита не сбивается, ни на секунду не мешкает в поисках ответа.

– Понятия не имею. Она не пришла, что ли? – Равнодушно пожимает плечами.

– Я ее не видела.

– Может, она опаздывает и придет после выступления директора?

Вздыхнув, ощущая, как под его ладонью расслабляются мои плечи, как его рука спускается ниже, обхватывая талию.

– Вы расстались? – не свожу глаз с директора, боюсь показать Никите сотни чувств в моих глазах.

– Да, расстались, уже давно. Мы видимся редко и только потому, что наши родители дружат. – Никита машет рукой, отбрасывая эту тему как совершенно несущественную. Не стоящую даже упоминания.

Директор спускается со сцены, зрители аплодируют, но я почти ничего не замечаю. Изабелла и Никита. Никита и Изабелла. Неразделимая комбинация распалась, освобождая мужчину, который покорило мое юношеское сердце.

Я была уверена, что они до сих пор вместе. Они редко используют свои страницы в соцсетях, но на фотографиях с вечеров встреч сидели в обнимку и выглядели счастливыми.

– А у тебя есть кто-нибудь? – Склонившись ко мне, Никита улыбается, его волшебные глаза меняют цвет. – Хотя нет, не отвечай. Даже если у тебя есть парень, забудь о нем! Завтра у нас с тобой свидание.

Золушка собиралась бежать с бала, оставив за спиной восхищенную толпу и очарованного принца. Однако теперь, ощущая сильную руку на талии, я путаюсь в своих планах.

Все расходятся по классам, а мы так и стоим в дверях, загораживая проход.

Никита улыбается, и я неопределенно хмыкаю в ответ. Стараюсь держать себя в руках и не показать, насколько меня потрясло, перекроило, вывернуло наизнанку от его беззаботного, почти шутиwego тона.

Еще одна легкая победа. Поверхностная и пустая.

Никита не считает нужным извиниться за прошлое. Тупая оборвашка испарилась из его памяти вместе с презрительными насмешками и неуместной влюбленностью. Он видит только то, что перед ним. Сейчас.

Я приехала, чтобы покорить Никиту со второго первого взгляда, но теперь, добившись желаемого, морщусь от горечи во рту. Все слишком быстро и поверхностно, его умелый флирт против моей давней влюбленности. Будет лучше, если я уйду. Знаю это так же точно, как дышу. Я перебила горький вкус прошлого шоколадной сладостью победы, и теперь самое время исчезнуть, оставаясь красивой загадкой для всех. Особенно для Никиты.

Глядя в его красивые глаза, я наконец понимаю, что могу начать с ним что-то новое, однако переписать прошлое не удастся. Оно навсегда со мной, как призма, через которую сегодняшний день выглядит по-другому. И Никита тоже.

Они с Изабеллой никогда не дразнили меня оборвашкой. Никита называл меня Алей, но от этого не было легче. Он смеялся и говорил друзьям: «Да оставьте вы Алю в покое! Что с нее возьмешь, с убогой? Дура и есть дура».

Он не называл меня оборвашкой, он ранил сильнее.

Ранил в самое сердце, и я верила, что со мной что-то не так. Глупая и никудышная. Я верила, что если похудею, помнею, похорошею, то Король полюбит меня так, как никого другого. Сильнее, чем Изабеллу. Признает свои ошибки и...

Юношеская влюбленность порой как болезнь, и вот я вернулась – зачем? Чтобы доказать Никите, что он не прав? Я изменилась снаружи, но не внутри. Прошное до сих пор держит меня за горло.

Мы возвращаемся в класс, и Никита ведет меня прямоком к восьмой парте у окна. Я сажусь на место Изабеллы, но расслабиться не могу. Кажется, подо мной вот-вот треснет стул или меня поглотит адово пламя.

– Все хорошо? – Никита ласкает меня взглядом серо-зеленых глаз.

– Все замечательно. – Это правда, если не считать того, как жжет кожу чужое место и как ранят воспоминания.

Одноклассники болтают, смеются, вспоминают забавные истории из прошлого. Время от времени оборачиваются и смотрят на нас с Никитой, на неожиданное изменение в мизансцене – вторженка сидит на месте примадонны.

– Знаешь, почему они оборачиваются? – Никита наклоняется ближе. Его пальцы бегут по позвонкам и останавливаются на пояснице. Остаются там, парализуя меня, отвлекая от происходящего. – Ты обалденно выглядишь!

– Спасибо.

– Мне-то за что? Тебе спасибо.

Я мечтала именно о таких словах, о таком восторженном взгляде и собственническом прикосновении. О том, чтобы Никита не мог от меня оторваться. Никогда.

– Аля, а ты работаешь? – Максим пересаживается за соседнюю парту, чтобы продолжить допрос с пристрастием.

– Я визажист. Можно сказать, что я посвятила себя красоте, – отвечаю весело и от души, потому что работа у меня хорошая и жаловаться не на что.

– Живут же некоторые! – весело фыркает Никита. – Посвящаешь себя красоте, надо же. А я посвящаю себя вечной борьбе с отцом. Он не дал толком институт закончить, погулять, побыть молодым. Впряг в дело, как лошадь. – Под напускным весельем Никиты мелькает раздражение, неуместное в легкой атмосфере вечера встречи.

– Я тоже большой ценитель красоты. – Максим забавно дергает бровями.

– Красоток, а не красоты! – хихикает кто-то.

– «Красоты» звучит лучше. – Максим придвигается ближе, словно не замечая недовольства Никиты, который притягивает меня к себе вместе со стулом. – У тебя, Аля, всегда

был отлично подвешен язык, а фантазия вообще убийственная. Помнишь, ты в начальных классах нам сказки рассказывала? За тобой на переменах ходили толпы детей, слушали тебя до самого звонка. А как учительница литературы с тобой мучилась, помнишь? В книге одно написано, а тебя фантазия заводила невесть куда. Учительница жутко бесилась и кидала тебе двойки и колы для острастки...

Да, я помню об этом и о многом другом. Как, наслушавшись моих сказок, одноклассники дразнили меня за то, что болтать я могу, а читаю и пишу с трудом. За то, что я не такая, как они. Дети наказывали меня за то, что им нравились мои сказки. Сказки нравились, а меня принять не могли. Потому что раз не могу читать и писать, значит, дура. А раз дура, значит, не могу нравиться. Замкнутый круг жестокости.

– Лучше вспомни, как Аля в походах страшилки рассказывала, – говорит кто-то.

– О да! Оборвашкины страшилки – это нечто. Девчонки пяти минут не выдержали, сбежали в палатки. Инка плакала в голос.

– Да ну тебя, Макс! Я не плакала, – фыркает Инна, еле сдерживая смех.

– Плакала! Вы насобирали палок и спали с ними, чтобы защищаться, если зомби нападут. Оборвашка напугала вас до чертиков.

– А парни как будто лучше! Карпов вообще описался. Все мы оглянулись по сторонам в поисках Карпова.

– Да не ищите вы, он не пришел, – продолжает Инна. – Но я вам точно говорю, он описался от страха. Мы сбежали почестному, а вы притворялись смелыми, досидели до конца, а сами потом не спали и тряслись. Карпов прокрался к своей палатке, держась за штаны, переоделся, а мокрые закопал.

Какое-то время мы неловко переглядывались, потом разразились смущенным смехом.

– Значит, из-за тебя еще в пятом классе парни писались? – Никита щекочет мое ухо теплым дыханием. – Представляю, что творится сейчас.

Сейчас со мной творится нечто неопишваемое. Несколько лет назад я бы все отдала за каплю позитива, доброты и общих воспоминаний, а теперь... не знаю, что чувствую. Изумление, наверное, от того, как быстро стерлось плохое из памяти одноклассников. Они не сожалеют о прошлой грубости, не ощущают вины. Тупая оборвашка пропала, и они помнят только хорошее. Жаль, что мои сказки и фантазии – это всего лишь прошлое. Коллекция детских фантомов, мечты, не выжившие в ядовитом свете реальности.

Жаль, что я еще в детстве научилась не верить в хорошее, потому что его могут отнять. Осмеять. Растоптать надежду.

– Это были детские сказки, – натянуто улыбаюсь.

Никита наклоняется ближе и шепчет:

– Сходишь со мной на свидание, сказочная Аля?

На языке пульсирует «нет», что неожиданно, ведь отголоски школьной влюбленности еще звенят в ушах. Золушке

пора бежать, мне не место в Никитином дворце. Я превратилась в Изабеллу Ларину, заняла ее место в прямом и переносном смысле, но это только снаружи. Внутри я все та же, и обиды, боль и неуверенность по-прежнему со мной. Лучше уехать на высокой ноте, на пике успеха, потому что отсюда есть только один путь – вниз.

– Не отказывай мне, А-ля, прекрасная А-ля, – игриво напеваает Никита. – Встретимся завтра?

Я с тоской смотрю на одноклассников, потом на телефон в надежде, что мне помешают сказать «да». Но на нас не обращают внимания, и я не в силах предать свою юношескую мечту.

– Почему бы и нет. – Пожимаю плечами, подавляя невероятное волнение внутри.

Учителя сказали, что каждый может стать кем угодно. Достичь любых высот. Воплотить в жизнь любые мечты. Они говорили правду. Я получила желаемое, хотя и с опозданием. У меня, Али Гончаровой, идеальная внешность, благополучная жизнь и мужчина, в которого я влюбилась с первого взгляда.

Переплетаю наманикюренные пальцы и не отрываясь смотрю на дверь. Хочется бежать. Внутри плещется пустота с привкусом страха.

Я оказалась совершенно не готова к тому, чего когда-то жаждала всем сердцем.

Глава 2. Свидание

За рулем дорогой спортивной машины Никита выглядит очень органично, как и положено человеку, рожденному в достатке.

– Я не могу выйти, чтобы открыть тебе дверь. Здесь бешеное движение. Сядешь сама?

Салон машины пахнет кожей, лимоном и деньгами. Я непроизвольно ежусь, сжимаюсь, стараясь занимать как можно меньше места. Я люблю машины, но эта роскошная модель кажется частичкой мира Никиты, в котором я чувствую себя неуютно, как нежеланная Золушка.

– Недавно купил! – Никита любовно поглаживает руль. – Только ничего не трогай, а то останутся следы, а они меня дико раздражают. Ты ведь наверняка пользуешься кремом для рук.

– Пользуюсь, – отдергиваю протянутую руку.

– Как тебе машина?

– Красивая.

– Красивая женщина в красивой машине! – Никита подмигивает. – Мы с тобой хорошо смотримся, не находишь?

Я улыбаюсь, закрепляя в памяти очередной комплимент. Приходится напомнить себе, что именно ради этого я и приехала. Сегодня я в самом обычном платье. Привезла с собой несколько на случай, если тетин план нарядить меня в отказ-

ные бренды провалится.

Глянув на меня, Никита усмехается.

– Почему ты смущаешься? С такой внешностью надо чувствовать себя королевой, а ты прижалась к двери, будто собираешься выпрыгнуть.

– Я не собираюсь выпрыгивать, – фыркаю в ответ. И к двери я не прижимаюсь, боюсь оставить следы на кожаной обивке.

Никита следит за мной, пока я посмеиваюсь своим мыслям. Обиженная и влюбленная школьница внутри меня торжествует, и я не хочу портить ее праздник, но и не могу больше слепо восхищаться Никитой. Я выросла.

– Вот и хорошо, что не собираешься выпрыгивать, потому что у нас с тобой большие планы, – объявляет он загадочно.

– Большие?

Никита склоняется ближе, кладет ладонь на мое колено и подмигивает. Мне нравится его парфюм, ненавязчивый, терпкий. Не стану лгать – несмотря на прошлые обиды, близость Никиты волнует. В юности я бы отдала левую руку за одно, самое невинное свидание. А если бы к нему прилагался поцелуй, то и правую.

– Гро-мад-ны-е планы. Ох, Гончарова, не красней ты так! Красавица и скромница, цены тебе нет. Это я должен волноваться, а не ты.

Никита берет меня за руку, переплетает наши пальцы. Так и ведет машину, держа мою руку в своей. То ли пытается

успокоить, то ли боится, что запачкаю интерьер.

– Давай поговорим начистоту, – предлагает мягким, вкрадчивым тоном. – Ты смущаешься, потому что я нравился тебе в школе и чувства до сих пор сохранились. Я прав?

– Я не смущаюсь...

– Аля, я говорю что вижу. Ты покраснела и старательно избегаешь моего взгляда. Я знаю, что ты была в меня влюблена.

Отрицать глупо, о моей влюбленности знали все, включая Никиту. Мои чувства были настолько очевидными, что признаний не требовалось.

– Не надо стесняться, я многим нравился. – Никита беззаботно машет рукой. – В юношеском возрасте хочется охватить всех девчонок, никого не пропустить, но увы, приходилось выбирать. А остальные обижались. – Остановившись у светофора, он задумчиво хмурится и постукивает указательным пальцем по рулю. – Скажи, а ты уверена, что между нами ничего не было?

Он серьезно?

– Да, я уверена, что между нами ничего не было, – отвечаю сдержанно, несмотря на то, что вопрос меня ошарашил.

Смотрю на Никиту так пристально, будто могу взглядом прочесть его воспоминания. То, как беззаботно и легко он говорит о моей влюбленности, задевает больной нерв в душе. Я сказала, что между нами ничего не было, но это неправда. Между нами было очень многое – прозвища, насмешки

и обиды. Например, то, как Никита с друзьями потешались над моей влюбленностью, выставляли на посмешище. Однако это не тушило чувства в моем одержимом сердце. Наивная, я вешала все грехи на себя.

– Точно уверена, что я не поцеловал тебя ни разу? – спрашивает Никита на полном серьезе.

– На сто процентов. – В моем голосе звякают льдинки.

– Я спрашиваю на всякий случай, потому что, когда Макс стал с дедовой дачи самогон тырить, я месяца три ходил в тумане. Память раскрошило напрочь. Но я рад, что между нами ничего не было, теперь мы можем начать с чистого листа.

С чистого листа.

Я приехала на вечер встречи, чтобы найти новый чистый лист или отмыть старый. Увы, стало очевидно, что отмыть старый не получится. Сегодняшняя улыбка не стирает прошлую жестокость. Свежая победа не излечит былую боль. Хмурясь, ловлю себя на том, что не хочу ничего стирать и переписывать. Мне неприятно, что Никита не помнит и не понимает, какую боль причинил мне в школе.

Он снова рассказывает о своей машине, но я не могу сосредоточиться.

– Подожди, Никита... ты сказал, что тебе приходилось выбирать девчонок. Это ты про какое время говорил?

– Как какое? Старшее школьное. Я учился с вами два последних года, и не притворяйся, что забыла. Ты с меня глаз

не сводила. Один раз так засмотрелась, что уронила поднос в столовой. Уж этого я не забуду! – Смеясь, Никита сворачивает на стоянку рядом с рестораном.

Он не сказал, куда мы едем, а я не спросила. Привез меня в самый центр. Не иначе как пытается впечатлить, ведь со мной теперь не стыдно показаться на людях.

– Я все помню, – отвечаю сухо, – кроме одного: с какими девчонками ты встречался?

– Как с какими? С разными. Молодой же был!

– А сейчас старик? Прошло всего пять лет.

– Поработай на моего отца, быстро состаришься.

– Но ведь ты встречался с Изабеллой?

Морщась, Никита качает головой и выходит из машины.

– Она-то тут при чем? Встречался, ну и что? Она висела на мне как камень.

– *Как камень?!* – Удивляюсь ноткам праведного гнева в моем голосе. Изабелла и Никита казались мне совершенной влюбленной парой, и я завидовала их отношениям.

Я ошибалась.

– В юности отношения долго не длятся, чувства быстро перегорают. Если и остаетесь вместе, то по инерции или потому, что один из вас не может найти никого получше. Наши родители дружат, и у них совместный бизнес, поэтому отец запретил мне обижать Изабеллу. Я мучился во благо семьи, так сказать, но это не значит, что не встречался с другими. Хватит об этом! Я не хочу говорить о других девушках, ко-

гда рядом ты. – Никита придерживает меня за талию, помогая выйти из машины, и ослепляет улыбкой. – Почему ты так на меня смотришь?

– Я думала, ты любил Изабеллу и вы до сих пор вместе. Я... завидовала ей.

– Ну и зря! У нее полно недостатков, таким женщинам всегда изменяют.

– Разве есть женщины без недостатков?

Подмигнув, Никита склоняется ближе, его дыхание щеко-чет кожу, но я больше не чувствую возбуждения. Наоборот, мне хочется отстраниться.

– Сколько ни смотрю на тебя, не могу найти изъяна.

– Э-э-э... спасибо.

Я обещала себе, что соберу в памяти все комплименты, чтобы потом перебирать их и наслаждаться. Но мне больше этого не хочется. Слова Никиты не имеют веса, они легче и недолговечней дыма. Странно думать, что когда-то я хваталась за каждое его слово.

– Знаешь, Аля, что мне нравится? С тобой я могу быть настоящим, не притворяться. Другие бы возмутились моей прямоте, а ты ценишь искренность. Поэтому я и говорю все как есть.

Похоже, это очередной комплимент. Наверное, мне должно быть приятно, что мое присутствие располагает Никиту к откровенности. Что он замечает во мне что-то помимо внешности.

Мы заходим в ресторан, но я слишком отвлечена, чтобы заметить название, интерьер, людей вокруг. Послушно переставляю ноги, глядя на знакомое и все же чужое мужское лицо. Совершенно искреннее. Женщины часто жалуются на мужское притворство, на игру, но Никиту не упрекнешь, он абсолютно честен, даже слишком.

– Я как увидел тебя на вечере встречи, так почувствовал, будто мы дружим сто лет. А все потому, что у нас общее прошлое. В том смысле, что я тебе нравился, а теперь и ты мне тоже. Поэтому мы можем говорить напрямую. Так лучше, правда?

Неопределенно пожимаю плечами, потому что не хочу спорить о прошлом. Боюсь тех чувств, той боли, которые полезут наружу, если буду откровенна с Никитой.

– Вчера ты соврала, что не обижалась, когда тебя дразнили тупой оборвашкой. Ведь соврала, да? Посмотри, какой ты стала, глаз не отвести! А все почему? Тебя подстегнули детские обиды. Другая бы на твоём месте обозлилась на весь мир, а ты смотришь реальности в лицо. Ведь ты и была оборвашка, и училась плохо. Одежду свою помнишь? И как тебя мать в таком виде на улицу выпускала?

– У меня нет... – Я успеваю прикусить язык. Откровенничать не хочется.

– В тебе не было ничего особенного, а ты взяла и доказала всем, что это не так. Из плохого вышло хорошее. – Усадив меня за стойку бара, Никита улыбается. – Расскажи, кем ты

работаешь!

Успел забыть со вчерашнего дня?

– Я визажист. – Слова царапают горло. Хочется выйти из ресторана, снять туфли и бежать домой по пыльному холодному асфальту. Мне больно от правдивых слов Никиты, от их прямоты и жестокости. Нет смысла быть с ним откровенной, он не поймет.

– Ах да, ты посвящаешь себя красоте, вспомнил. Здорово сказала, остроумно.

– Изабелла тоже остроумная и человек хороший, – вдруг говорю из чувства внутреннего протеста, возможно, потому что вспоминаю, как сильно Изабелла любила Никиту. Почти так же сильно, как я.

– Может, Изабелла и хорошая, но мне не подходит. – Никита пожимает плечами, отбрасывая тему. Но я молчу, и, поймав мой вопросительный взгляд, он нехотя продолжает. – Изабелла не оставляла меня ни на минуту, не продохнуть было. Занудная, висела на мне, постоянно жаловалась, что я не обращаю на нее внимания. Наедине с ней скучно, а в компании она как камень на шее. Я люблю ходить с друзьями в горы, охотиться, заниматься серфингом. А Изабелла сидит дома целыми днями или в магазины ходит. И астма у нее при нагрузке. Пшикает лекарствами, но все равно свистит, как чайник, и ей за нами не успеть. Мне жалко ее, конечно, но у меня своя жизнь. Мне что, целыми днями сидеть с ней, как привязанному?

Провожу ладонью по гладкому дереву стойки бара, расправляю салфетки. Что-то пенится внутри, прибывает, поднимается. Как химический опыт в школе, когда делали вулкан, смешивая соду с уксусом. Негодование, вот что. Аллергическая реакция на жестокость.

Хотя зря я негодую. Никита такой, какой есть, зато честный.

Я могу развернуться и выйти из бара, однако не двигаюсь с места. Внутри сгорают прошлые иллюзии, остатки подростковой влюбленности, и я безжалостно слежу за их гибелью.

Любить человека издалека безопаснее, чем узнавать его ближе.

Лучше бы отказалась от свидания. Ведь предчувствовала, что оставаться нельзя, что после высокой ноты вечера встречи ситуация упадет на октаву, а то и две ниже. Принц находит Золушку, и на этом сказка заканчивается, потому что они совсем не знают друг друга и не факт, что один или оба однажды не превратятся в тыкву.

К счастью, к нам подходит бармен и мы отвлекаемся от опасной темы.

Никита заказывает пиво и красное вино, очень дорогое.
– Сначала выпьем за встречу, а потом попросим меню. Можно после этого пойти в кино, только я не любитель бабских мелодрам.

Ответа не требуется, поэтому я молчу.

Бармен ставит перед нами напитки, и я пододвигаю вино ближе к Никите.

– Я заказал вино для тебя. Оно здесь самое лучшее.

– Прости, я не знала, а ты не спросил... у меня от красного вина болит голова.

– Не будет никакой головной боли, вот увидишь! – Фыркнув, Никита ставит бокал передо мной. – Такое от дешевой бурды бывает, а это знаешь какая выдержка? – Сует мне под нос этикетку и снисходительно усмехается.

Бармен с интересом ждет моей реакции. Углы его рта чуть изгибаются в подавляемой улыбке. Я смотрю на бутылку, и пальцы сами по себе сжимаются в кулак. Нет, бить Никиту по голове – это слишком, а вот салфетки здесь очень кстати, чтобы заткнуть Никите рот. Ненадолго, чтобы мне хватило времени слезть с высокого стула, не упасть на каблуках, выбежать из бара и поймать такси.

– У вас все в порядке? – не выдерживает бармен, глядя, как яростно я комкаю салфетки. Никита безмятежно пьет пиво.

– В полном, – заверяю бармена ровным тоном. Сама виновата. Сама влюбилась в Никиту, сама обещала однажды его впечатлить, сама осталась верной клятве... и все остальное тоже сама.

Забыв о споре, Никита наклоняется ко мне и проводит пальцем по щеке.

– До сих пор не могу поверить, как сильно ты изменилась.

Стала настоящей красавицей.

Я поневоле смягчаюсь, потому что он искренен в своем восхищении. Он честен во всем, что сказал, в том-то и проблема. И в школьные годы он был искренен – в каждой насмешке и грубости. Лучше бы молчал.

– Знаешь что? Если хочешь, сама выбери фильм. С тобой я посмотрю даже мелодраму. – Допив пиво, Никита наливает себе вино.

– Я не любительница кино, так что давай просто перекусим и разойдемся.

– Разойдемся? – Никита придвигается ближе, и я снова попадаю в поле действия его харизмы. – Это только начало! – подмигивает. – Впереди все самое интересное.

Он залпом допивает вино и снова наполняет бокал. Занудная, я подсчитываю в уме.

– Ты уже выпил пиво и вино. Домой поедешь на такси?

– Детка, не смей меня! После вина я вожу лучше, чем трезвый, всяких уродов быстрее объезжаю. Не волнуйся, я знаю, что делаю, да и с ментами разберусь без проблем, если что.

Никита подает знак, и торопливая официантка готовит для нас столик в углу. Интимная атмосфера, свечи, меню в толстой кожаной обложке. Если бы память была избирательной, я бы запомнила бар, атмосферу, красивое лицо Никиты и его улыбку – и стерла почти все, что он сказал. Кроме комплиментов.

И уехала бы домой.

– Расскажи, что ты делаешь в своей парикмахерской. – Никита улыбается, глядя поверх меня.

– Я работаю в салоне красоты.

Он пожимает плечами.

– И что ты там делаешь? Штукатуришь... подожди минутку, отец звонит, надо ответить.

Быстро поднявшись, он выходит из зала.

Это были лучшие десять минут моего вечера.

Некоторые гештальты созданы для того, чтобы оставаться открытыми. В школе я была ослеплена влюбленностью, и Никита казался совершенным. В том и опасность любви с первого взгляда, ведь второй взгляд уже предвзятый. Фактически слепой.

Но теперь розовые очки спали, и то, что представлялось редчайшим голубым мрамором, оказалось сделано из папье-маше. Мы с Никитой никогда не вращались в одной компании, я обожала его издали, но теперь мозаика памяти складывается совсем в другую картину. Я считала его ярким и смелым, а он был наглым. Решительность оказалась грубостью, сильный характер – эгоизмом. Где-то в подсознании я об этом знала, поэтому и хотела уехать сразу после вечера встречи, чтобы не портить свой триумф.

Зачем было обманывать себя и встречаться с Никитой? Ведь знала, что он эгоист, и о жестокости его тоже помнила. Давно уже разгадала свои юношеские ошибки.

Так нет же, захотелось ткнуть себя носом в прошлое.

Надо воспользоваться моментом и уйти. Смело наступить на горло юношеской мечте, потому что она, прямо скажем, никудышная.

– Мы давно не виделись, и тебе наверняка любопытно, как я живу. – Вернувшись, Никита садится за стол и убирает телефон в карман. Похоже, он забыл, что спросил меня о работе, а жаль. Было бы интересно услышать, что именно я «штукатурю».

Он заводит рассказ о путешествиях, друзьях и машинах. Я слушаю внимательно, с усилием пытаюсь возродить хоть каплю прошлой влюбленности, но не получается.

– Послезавтра в городе благотворительный вечер, это событие года. Пойдешь со мной? Там будет городская элита и звезды тоже. Не помню, где ты живешь, но на периферии такого не увидишь.

На моей «периферии» многое случается, меня уже ничем не удивить. Кроме как сегодняшним вечером.

Отвечаю туманным: «Я подумаю», потому что не хочу спорить. Скоро конец свидания. Расстанемся по-дружески, а завтра Никита станет меня искать и... не найдет.

– Я возьму салат с курицей и авокадо, – говорю, откладывая меню.

– Здесь делают отличный стейк с кровью. – Никита кладет ладонь на меню, не позволяя официантке его забрать. После вина и пива его голос громче обычного, каждая фраза звучит

приказом.

– Я не ем стейк, – возражаю тихо.

– Боюсь представить, какую дрянь в твоём городишке выдают за стейк. А здесь закупают качественное мясо и готовят по европейским стандартам. По сравнению с тем, что подают в этом ресторане, все остальные стейки по вкусу как подошва.

Несмотря на то, что Никита хвалит ресторан, официантка неловко отводит взгляд. Я тоже.

– Все-то ты пробовал, даже подошву, – бурчу, не сдержавшись.

Никита не замечает иронии в моем голосе. Поводя плечом, спрашивает:

– Как можно отказываться, даже не попробовав?

Вот и я так думала, поэтому согласилась на свидание.

Моя влюбленность держалась на том, что я совсем не знала Никиту, а сейчас ее ключья разлетелись по ветру и осталось только разочарование с жирным налетом стыда.

Остальная часть ужина проходит на удивление хорошо. Возможно, потому, что мысли об отъезде помогают мне успокоиться. Или потому что Никита жует и не может много говорить.

От десерта я отказываюсь и поспешно вызываю такси. Никита скрипит зубами от недовольства, но едет со мной, а машину оставляет на стоянке.

По пути просит водителя заехать в офис.

– Мы ненадолго. Я приготовил для тебя сюрприз, Аля. Обещаю, ты будешь в восторге.

Мне не хочется сюрпризов. Вечер встречи и свидание истощили мои силы, и хочется вернуться домой и забыть обо всем. Особенно о Никите.

Но он настаивает, почти умоляет, и любопытство берет верх.

Мы подъезжаем к невысокому зданию, окружённому кирпичным забором с глазками камер видеонаблюдения. Во дворе тихо, рабочий день давно закончился. Никита проводит меня через пустующее здание напрямиком в кабинет отца. Громадное помещение, не меньше восьмидесяти квадратных метров, обставлено с подавляющей роскошью. Бар, мраморный письменный стол, кожаные диваны и кресла, даже скульптуры по углам. Броское изобилие.

– Пап, это Аля! – Никита представляет меня так, словно мы встречаемся уже несколько месяцев, и он наконец решил познакомить меня с родными.

Королев-старший изучает меня внимательным, долгим взглядом. Он заметно постарел за пять лет, пополнел, сгорбился. Землистый цвет лица выдает плохое здоровье и усталость. В школе он ни разу не пропустил концерты и собрания, даже в субботниках участвовал. Образцовый отец благополучной семьи.

– Корольев! – представляется, протягивая руку. – Я узнал

вас, Аля, – добавляет чуть мягче и улыбается. Я вижу одобрение в его глазах. – Помню вас со школьных лет. Вы хвостиком ходили за моим сыном, уж простите за откровенность.

У них много общего с Никитой – от их откровенности хочется заползти под ковер. Ладно, пусть смеются над моим прошлым, я и сама от него не в восторге.

– Если не ошибаюсь, однажды вы засмотрелись на Ника и уронили поднос с едой, – добавляет Королев, с интересом дожидаясь моей реакции. Я не отвожу взгляда, смотрю прямо и спокойно. Пусть я не в восторге от прошлого, но стыдиться не стану.

– Отстань, пап, не смущай девушку! Лучше скажи, ты дозвонился до Виты?

Королев медленно кивает, не сводя с меня глаз.

Никита довольно потирает руки.

– Я обещал тебе сюрприз, да? Так вот – отец хорошо знаком с Витой, владелицей «Афродиты».

Я перевожу непонимающий взгляд с одного мужчины на другого.

– «Афродиты»! – повторяет Никита, расширив глаза для лучшего эффекта. – Помнишь, я разговаривал с отцом во время ужина? Я попросил его позвонить Вите и сделать так, чтобы она взяла тебя на работу.

Королев-старший молчит, оценивая мою реакцию. До меня медленно доходит смысл сказанного.

– Большое спасибо, но у меня есть работа. – Я даже вы-

мучиваю улыбку из уважения к пожилому мужчине.

– Но это же «Афродита»! Элитный салон, туда записываются за несколько месяцев. Даже если ты работаешь в лучшем салоне в своей тьмутаракани, «Афродита» в сотни раз престижней. Плюс ты останешься в городе, а у этого есть свои преимущества. – Никита поигрывает бровями, намекая на возможность продолжения наших отношений.

– Меня вполне устраивает салон, в котором я работаю, – говорю спокойно, подавляя бурю внутри.

Никита всегда был шумным, взбалмошным и слишком активным, но сейчас его поведение походит на фарс, возможно из-за выпитых вина и пива. Он злится, фыркает и всячески выражает свое «фи» из-за моей неблагодарности. Устраивать сцену перед его отцом не хочется, да и бессмысленно, потому что я уезжаю. Меня ждет такси. Я хочу домой, поэтому собираю волю в кулак и рассыпаюсь в благодарностях. Даже обнимаю Никиту за плечи, успокаиваю его, хвалю за добрый поступок.

Так успокаивают ребенка.

Он улыбается и кивает, принимая мои слова как должное.

Отец Никиты следит за нами с интересом, потом, не сводя с меня взгляда, говорит:

– Ник, ты забыл подписать контракт с подрядчиками. Секретарь ждала тебя до восьми вечера. – Он разговаривает с сыном резким, командным голосом и, кажется, предпочитает на него не смотреть.

– Она на то и секретарь, чтобы ждать, – бурчит тот.

– Будь добр, не тяни, займись контрактом, а я пока развлеку твою гостью. Нам есть о чем поговорить.

– Расскажи ей про Виту! – Оставив уговоры отцу, Никита выходит в коридор.

Не теряя ни секунды, Королев-старший закрывает за сыном дверь и поворачивается ко мне. Сосредоточенный, напряженный, словно готовится к атаке.

– Не волнуйтесь, Аля, я не звонил Вите, – говорит без преамбул. – Мой сын крайне импульсивен, и у меня нет привычки выполнять его капризы без предварительной проверки. Как видите, я оказался прав.

От удивления я не знаю, что сказать. Сглатываю вязкую слюну, хмурюсь. Что за семья? Никита жалуется на отца, а тот на Никиту, и все это постороннему человеку.

– Ник пригласил вас на благотворительный вечер?

– Да.

– Вы отказались?

Я снова сглатываю. От давящего взгляда Королева во рту сухо, в висках стучит напряжение. С Никитой мне проще, а его отец затеял непонятную игру, и не хочется в ней участвовать.

Он кивает, приняв мое молчание за положительный ответ.

– Могу ли я поинтересоваться, какие у вас планы? – Разговаривает со мной вежливо, доброжелательно, его не в чем упрекнуть.

– Я собираюсь вернуться домой. В другой город. – Почему-то не хочется называть адрес.

Королев-старший изучает меня, что-то просчитывая и решая.

Смотрю на дверь. Два шага, и я окажусь в коридоре, потом в лифте – и все. Свобода. Страха я не ощущаю, только неловкость. Я попала в самое сердце семьи, где все отнюдь не просто и не благополучно, и хочу как можно скорее выбраться наружу. Не запачкавшись.

Мысленно я уже попрощалась с Никитой, осталось только отвязаться от его отца.

– Могу ли я говорить с вами напрямую? – спрашивает он, и что-то в его голосе привлекает мое внимание. Что-то личное, глубокое.

Очень хочется отказаться. Я еле пережила Никитино «напрямую», и второй дозы от его отца мне не надо.

Однако Королев-старший не ждет моего разрешения.

– У меня к вам деловое предложение, очень выгодное. – Скользит взглядом по моему дешевому платью и сумочке.

– Если вы собираетесь откупиться от меня, чтобы я не встречалась с вашим сыном, то не стоит беспокоиться. Я сама вам охотно заплачу, только отпустите меня домой. – С вызовом приподнимаю бровь и нажимаю на дверную ручку, наслаждаясь скрипом свободы.

Это грубо, но честно. Во мне зудит потребность провести жирную черту между мною и Королевыми.

Переважив мой ответ, отец Никиты громко и искренне смеется. Его объемный живот дергается над широким ремнем джинсов.

– Что вы, дорогая Аля, все совсем наоборот! Я заплачу вам за то, чтобы вы пошли с Ником на благотворительный вечер.

Его слова застают меня врасплох.

– За...зачем?

– Я навел справки и услышал много интересного о вчерашнем вечере встречи. Вы не только красивы, но и умеете подать себя. Я не удивлен, что мой сын вас разочаровал, он и меня разочаровывает. Ник неуправляем, распушен и ведет себя отвратительно, особенно когда выпьет...

– Простите, но это не моя проблема.

Я растеряна. Удивлена, изумлена даже, настолько была уверена, что Королев-отец захочет вытолкнуть оборвашку из жизни сына. Но это не меняет моего намерения убраться отсюда как можно скорее. Пытаюсь открыть дверь, но рядом возникает массивная фигура Королева-старшего. Он протягивает руку, не позволяя мне выйти. Трогать меня не решается, что разумно, иначе бы не только оглох от моего крика, но и пострадал. Я часто езжу к клиенткам на дом и чего только не ношу в сумочке с целью самозащиты.

– Аля, не спешите! Я не стану ни к чему вас принуждать. То, что я сказал о Нике, не секрет, вы и сами видите, какой он. Поверьте, наша сделка будет взаимовыгодной. Хотя бы

выслушайте меня, прошу вас!

Неохотно киваю, позволяя ему продолжить. Одной рукой держусь за прохладное дерево двери, готовая уйти в любой момент.

– Благотворительный вечер крайне важен для нашей семьи. Там соберутся самые влиятельные люди города, и это лучшая возможность наладить связи и развить бизнес. Мне необходимо убедить их, что Ник повзрослел и одумался, и у меня есть достойный наследник. К сожалению, я не молодею, да и со здоровьем возникли проблемы... а других детей у меня нет. Прошу вас, помогите Нику произвести должное впечатление. Иначе он притащит с собой очередную раскрашенную мартышку, которой хочется заклеить рот липкой лентой. Он опозорил меня в прошлом году, оскорбил важных людей, подрался. Учредители фонда вызвали полицию, и еле удалось замять дело. Пришлось очень постараться, чтобы нас пригласили в этом году. Если Ник упустит этот шанс, его репутацию будет не склеить, и наша семья и бизнес пострадают. Я не прошу вас ни о чем предосудительном, только об одном вечере в компании Ника... – Переступив с ноги на ногу, он потер виски кончиками пальцев.

В его голосе звучали бесконечная усталость и разочарование, и это сработало лучше приказов и денег. Внутри меня дрогнуло сочувствие. Этот пожилой, больной человек мечтал о достойном наследнике, но его мечта оказалась гнилой внутри. Как и моя.

Я нежеланный ребенок, разочаровавшийся в родителях, а Королев-старший – отец, отчаявшийся добиться толка от единственного сына и наследника.

Наверняка у Никиты есть оправдания и его отец далеко не идеален. Но он вынужден просить помощи у посторонней женщины, потому что сам не может справиться с сыном.

Сочувствие стучит в груди вторым сердцем. Немало бед начинаются с желания помочь, особенно когда решения проблемы как такового нет. Никиту не изменишь. Только если пересадкой личности.

– Вы меня совсем не знаете. Я понятия не имею, как помочь, и наверняка сделаю только хуже.

– Вы производите сногсшибательное первое впечатление. Красотой никого не удивишь, но у вас есть два редких дара – стиль и умение себя вести. Полагаю, что профессия научила вас общаться с клиентами. Но даже это не главное. Вы только что справились с Ником так, как и мне не всегда удается, не говоря уж о его пассиях. Всего один вечер, Аля! Взамен просите что угодно в разумных пределах. Рекомендации, знакомства, деньги...

– Я не хожу на свидания за деньги. – Отвечаю сухо, строго, но при этом не обижаюсь, потому что голос пожилого мужчины полон отчаяния.

– Не отказывайтесь! Иметь меня в должниках очень выгодно. Никогда не знаешь, как повернется жизнь. Более того, я познакомлю вас с влиятельными людьми, включая Ви-

ту. Вы когда-нибудь задумывались о том, чтобы открыть собственный салон? Если знаете нужных людей, то нет ничего невозможного.

Королев-старший проводит ладонью по волнистым седым волосам, его пальцы подрагивают. Один из самых богатых и влиятельных людей города, он не боится ничего, кроме собственного сына. Его предложение абсурдно, но запасных вариантов у него нет.

– Мы с женой тоже будем на вечере и поможем, если что...

Перед глазами мелькает странная фантазия, как мы втроем выводим Никиту из зала в смиренной рубашке.

Смотрю на постаревшее лицо Королева-старшего и ищу в себе силы согласиться. Не из-за денег, нет, мне просто его жаль. Остаться в городе не проблема, у меня двухнедельный отпуск, впервые за долгое время. Я люблю свою работу за возможность делать людей счастливыми и получать быстрый и заметный результат. Для собственного салона мне как до Луны, но не скрою, предложение Королева манит будущими возможностями.

Однако Никита... я надеялась больше его не видеть. И дело не только в этом. Как бы он ни был со мной жесток, как бы прошлое ни жгло память, одно дело высказаться ему в лицо, и совсем другое – сговориться с отцом за его спиной.

Догадавшись о моих терзаниях, Королев-старший качает головой.

– Я не прошу вас ни о чем особенном. Ник приглашает

вас на вечер, сходите с ним, вот и все.

Когда мы выходим к ожидающему такси, Никита берет меня за руку.

– Скажу тебе честно...

– Нет-нет, не надо! – Я аж отпрянула. Этот вечер побил все рекорды откровений, и большего я не выдержу.

– Я знаю, что ты обиделась. Иногда я веду себя как последний идиот – хочу как лучше, а получается слишком. Прошу тебя, дай мне шанс! Не уезжай домой, останься хотя бы ненадолго. Благотворительный вечер – это невероятное действо, там собираются сливки общества. Насчет Изабеллы не волнуйся, они с родителями в отъезде, да она бы ко мне и не сунулась. Тебе понравится вечер. Развлечемся, встретим интересных людей...

Всю дорогу он уговаривает меня, а я притворяюсь, что слушаю. Лучше уж эта тема, чем любая другая.

Я не рассказываю Никите о предложении отца, о заговоре за его спиной.

Мне неприятна ложь, но сегодня я услышала слишком много правды.

На прощание Никита поцеловал мою руку и улыбнулся.

Глава 3. Благотворительный вечер

Хорошие предложения мне делают редко, а вот неприличные – постоянно. Мужья и сыновья клиенток, соседи по подъезду, таксисты, незнакомцы на улице. Я стараюсь хорошо выглядеть, чтобы соответствовать профессии, и для мужчин это как магнит. А вот с предложениями работы сложнее. Я попала в хорошее место по чистой случайности, когда опытная кандидатка отказалась, а салону срочно требовалась помощь. Меня взяли на временную должность, и я не только работала не покладая рук, но и отвечала на звонки, наводила порядок, делала кофе. Прижилась на удивление быстро, и вскоре меня приняли в коллектив. Посчитали своей, даже стали подбрасывать подработки на дому. Так и начала набирать клиентуру.

Я верю в то, что повороты судьбы неслучайны. Люди появляются в твоей жизни тогда, когда надо, и каждая встреча несет особый смысл. Тем не менее, мне не хотелось идти на благотворительный вечер, и я старалась не думать о предложении Королева-старшего, каким бы выгодным оно ни было. Однако я согласилась. Прежде всего из сочувствия, немного из любопытства и еще немного – потому что на этом настояла тетя. Дескать, пропускать такую возможность глупо, потом буду жалеть.

Королев-старший предлагал прислать денег для покупки

платья для вечера, но я категорически отказалась. В элитном магазине среди отказных вещей ничего подходящего не нашлось, однако платье мне достали. Шелковое, изумрудно-зеленое, красиво облегающее фигуру. Полностью закрытое спереди, вплоть до воротника-стойки, но с открытой спиной. Очень волнующий эффект.

Вот я и стала настоящей Золушкой. Приехала в музей, похожий на дворец, с мраморными лестницами, расписанными куполами и до блеска начищенным паркетом в залах. Некоторые из экспонатов временно убрали, но большая часть осталась на месте, и я бродила по залам, не веря, что нас пустили в святая святых. Здесь все похоже на сказку, подвел только принц, с которым я пришла на вечер, но его присутствие в моей жизни временно, и я надеюсь, что музей вытеснит из памяти мысли о провальном свидании.

Король-старший прибыл вскоре после нас и, дождавшись, когда мы остались наедине, напомнил о нашей договоренности.

– Я представлю вас нужным людям. Постарайтесь произвести впечатление и сдерживайте Ника. Не давайте ему пить. Сын достаточно заинтересован в вас, чтобы вести себя прилично, но учтите, он крайне импульсивен. Вы заинтриговали его своей недоступностью, но, если позволите... лишнее, он потеряет интерес и переметнется к другой женщине.

Очень трудно сдерживать смех. Эта семейка меня умиляет.
– *Лишнее?* Заверяю вас, в мои планы не входит позволять

вашему сыну «лишнее», даже если от этого будет зависеть репутация всего города.

– Многие так говорят, а потом меняют свое мнение.

– Поверьте, я не многие.

Поморщившись, Королев-старший отворачивается. Сегодня он выглядит хуже, чем в прошлую встречу. Расслабив узел галстука, расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, но его дыхание остается хриплым и частым.

– Аля, заранее меня простите, но я должен кое-что сказать на случай, если вы измените отношение к моему сыну. Вопрос женитьбы Ника давно решен. Он об этом знает, и его все устраивает. Ник женится по расчету, а не по велению основного инстинкта, и для этой цели вы нам не подходите.

Наверное, я должна обидеться, но смех щекочет углы рта, выбивается наружу.

– Торжественно клянусь не претендовать на вашего сына! – обещаю весело.

Королев-старший снова морщится и после долгого многозначительного взгляда уходит.

А я отправляюсь искать Никиту. Если сначала я волновалась, что почувствую себя работницей эскорта, то теперь утвердилась в роли детсадовской нянечки.

Найти Никиту оказалось слишком просто, его голос слышен издали. Окруженный другими гостями, он что-то вещает и жестикулирует с бокалом пива в руке. Пенная жид-

кость выплескивается через край, сползая по его пальцам. Красивым, сильным пальцам очень привлекательного мужчины.

– ...Я так и сказал отцу. Я не идиот, чтобы участвовать в аукционе. На кой мне круиз? Мне что, девяносто лет? И ящик шампанского тоже не нужен, я не пью дешевую бурду. Пусть старики меряются кошельками... – Заметив меня, Никита улыбается, почти сияет. – О, детка, я тебя заждался! – оставляет смачный пенный поцелуй на моей щеке. – Прошу любить и жаловать, это моя Аля! – говорит гордо, приподнимая меня для всеобщего рассмотрения.

Вокруг незнакомые лица, молодые, привлекательные, уверенные в себе. Некоторые снисходительно усмеваются, другие смотрят с интересом.

– Очень приятно познакомиться. – Я вхожу в роль. Мешает только то, что Никита держит меня на весу, как ребенка. Интересно, сколько он выпил, пока меня не было? Его отец прав: Никита заинтригован, потому что я не бросилась ему на шею. Пока я кормлю его азарт, он будет вести себя прилично. Однако долго он не вытерпит, поэтому пора заняться делом. Королев-старший не заинтересован в нашем общении с золотой молодежью, его волнуют люди посOLIDней. А это значит, что необходимо оторвать Никиту от друзей и от выпивки и отвести к отцу.

Отпустив меня, Никита снова берется за пиво.

– Так вот, о чем я... ах да, об аукционе. Другие лоты тоже

мимо. Меня не волнует всякая древность, Алю и подавно. Правда, детка?

Требуется немалая выдержка, чтобы не поморщиться. Если учитывать, что вечер посвящен сбору денег на восстановление музея, то настрой Никиты никак не соответствует ситуации. Я бы врезала ему дважды: первый раз за то, что говорит гадости от моего имени, а второй – за «детку». Я согласилась помочь его отцу и отбелить репутацию Никиты, но сейчас, растягивая губы в неестественной улыбке, не могу думать ни о чем другом, только о смирительной рубашке.

– Как давно вы знакомы? – спрашивает кто-то.

– Сто лет. – Никита смеется и притягивает меня ближе. – Еще со школы. Изабелла висела на мне мертвой петлей, зато теперь я Алю не отпущу.

– Изабелла нормальная баба, ты ее не заслуживаешь! – ворчит брюнетка в облегающем коротком платье и смотрит на меня с вызовом.

Я здесь ненадолго, и у меня четкая и ясная миссия, в которую не входят препирательства с друзьями Никиты.

– В детстве мы с Изабеллой сидели за одной партой. Соглашусь с вами, она замечательная девушка. – Я говорю чистую правду.

– И красивая, – продолжает провоцировать брюнетка.

– Очень! – честно соглашаюсь.

– Ты так говоришь, потому что давно ее не видела. Она заплыла жиром, ты ее не узнаешь. – Никита залпом допивает

пиво.

Он ведет себя как ребенок, избалованный и невоспитанный. Ему нельзя пить, хотя и в трезвом виде он далеко не идеален.

Брюнетка, явно подруга Изабеллы, не на шутку злится. Шагнув вплотную к Никите, почти утыкается в его грудь.

– Ты скотина! Гад! Изабелла набрала пару килограмм из-за стресса, и она гормоны пила ради тебя... а ты... кобель!

Никита вспыхивает, как коробок спичек, брошенный в огонь. Его крики разносятся по залу, привлекая всеобщее внимание. Остальные расступаются, никто не вмешивается в спор. Брюнетка набрасывается на Никиту, тот с готовностью встряхивает ее как куклу.

Ситуация выходит из-под контроля за считанные секунды.

Не знаю, о чем я думала, когда согласилась прийти на вечер. Мне не справиться с Никитой.

Если я не вмешаюсь, то полицию вызовут намного раньше, чем в прошлом году, но я совершенно не готова к действиям. Как и к удушающему чувству стыда под взглядами незнакомых людей. Я пришла на вечер в качестве девушки Никиты, и его поведение отражается и на мне. Меня никто здесь не знает, но все равно очень стыдно.

Никита не в себе, и мне с ним не справиться. Спасать его репутацию нет смысла, через день-два он снова все испортит. Судорожно выискиваю в толпе Королева-старшего. Знакомые Никиты следят за стычкой, попивая вино и то и дело

оценивающе поглядывая на меня. Ждут моей реакции, действий, скандала.

– Не хочешь защитить своего... кавалера? – спрашивает один из мужчин издевательским тоном. – Отведи его в более интимное место, его сейчас закоротит.

В расстегнутом смокинге с развязанной и небрежно перекинутой через плечо бабочкой он отличается от других отсутствием лоска, словно и сам только что выбрался из драки. Коротко стриженные волосы, грубые, крупные черты лица и наглый взгляд придают ему бандитский вид.

Противный тип. Расчленяет меня взглядом, будто именно я виновата в поведении Никиты. Не иначе как тайный воздыхатель обиженной Изабеллы.

Вокруг раздаются смешки.

Полагаю, я заслужила презрение, раз добровольно пришла на вечер с Никитой.

Брюнетка цепляется за пиджак Никиты и кричит ему в лицо. Они продолжают препираться, наплевав на прекрасную акустику музея. Мне кажется, дело не только в Изабелле. Этих двоих явно связывает нечто большее.

Небрежный незнакомец шагает ко мне и взглядом показывает на дерущуюся пару.

– Если сейчас не вмешаешься, то потеряешь своего принца и он достанется другой.

Хмурясь, разглядываю незнакомца.

Странное совпадение. В мыслях я тоже назвала Никиту

принцем, хотя и неудачным.

Хочу придумать едкий, остроумный ответ, уязвить незнакомца, но не получается. Все мысли заняты Никитой.

Презрительно морщась, незнакомец дергает губами. Странное движение, как тик, и в этот момент он вдруг кажется мне знакомым. И осуждающий взгляд тоже кого-то напоминает.

Из-за скульптуры Аполлона появляется Королев-старший. Даже издалека видно, как он бледнеет, глядя на Никиту. Еще бы! Его сын и наследник дерется с женщиной на глазах у городской элиты. А его нянька, то есть я, стоит рядом и натужно улыбается.

Я бы перестала улыбаться, но лицо застыло в болезненной гримасе.

Срочно надо что-то предпринять.

– Ни-и-ик! – протягиваю неожиданно писклявым голосом.

– Сейчас, детка!

– Ни-и-ик! – Мне совершенно нечем его отвлечь. Вокруг толпы людей, и большинство смотрят на нас. – Мне... мне... скучно. Покажи мне музей!

Перед глазами темнеет. Ладно я выставляю себя дурочкой, но хоть бы эффект был!

– Извини, детка, я отвлекся. – Никита нехотя отворачивается от брюнетки и обнимает меня за талию. Его соперница тяжело дышит и, приглаживая волосы, прожигает нас ярост-

ным взглядом. Вот-вот снова набросится либо на Никиту, либо на меня.

– А давай я понесу тебя на руках? – Никита снова приподнимает меня над полом.

– Спасибо, я пойду сама, – отвечаю сквозь зубы. – Поставь меня на место!

– На такие сладкие ножки не грех и поставить, – смеется Никита и с неохотой отпускает меня на свободу.

Сладкие ножки. Сладкие. Ножки. Хочется биться головой о стену, но для этого придется найти место без свидетелей.

С появлением Королева-старшего окружающие отвлекаются, теряют интерес к перепалке, и только мужчина в расстегнутом смокинге следит за нами неприязненным взглядом.

– Шли бы вы... за экспонат! – Закатив глаза, он исчезает из поля зрения. Я бы тоже исчезла, но увы, на службе.

Осталось три часа, всего три часа, а потом я вернусь домой с чувством выполненного долга. Или если не долга, то доброго дела. И со связями, знакомствами и гарантией помощи влиятельного человека. Тетя права, для одинокой молодой женщины это не так уж и немаловажно.

Пока я тащу Никиту через толпу, уговариваю себя потерпеть. У меня почти получается.

Облегчение на лице Королева-старшего можно черпать ложками. Он сжимает мой локоть и, оттащив меня от Никиты, шепчет: – Не знаю, как вы это остановили, но спасибо!

В прошлом году Ник подрался с официантом и они снесли несколько столов и экспонатов. Постарайтесь найти способ держать его под контролем!

– Мне бы электронный ошейник, – говорю одними губами.

Королев-старший подводит нас к важным для бизнеса людям, и я помогаю поддержать разговор. Общаться с людьми Никита не умеет. Слишком громко смеется, грубит и отворачивается, когда теряет интерес к теме. Сплетничает, не задумываясь о последствиях. Он умеет только одно – заигрывать с женщинами, и именно это пытается сделать, что очень не нравится директору банка и радует его молодую жену. Приходится срочно увести Никиту в другую компанию. Но отдам ему должное: он старается. Сдерживает себя и, подстегиваемый моими комплиментами, участвует в разговоре.

Грустно думать, что он делает это ради моего внимания, а не ради отца и своего бизнеса.

Но это не моя печаль.

Отец Никиты смотрит на меня сияющим взглядом, полным благодарности, и с облегчением выдыхает, когда наступает время аукциона.

Мы оказываемся за одним столом со знакомыми Никиты. Королев-старший сидит неподалеку и выглядит довольным результатами моей работы. Отношения налажены, обошлось без скандала, осталось только потратиться на аукционе – и

репутация залатана. Мать Никиты, тихая, бессловесная женщина, сидит, уставившись в тарелку, не глядя ни на сына, ни на мужа.

– Ты самая красивая женщина на этом вечере, – шепчет Никита. – Я бы ни за что не стал развлекать старых козлов, если бы не ты. Но теперь даже рад, что послушался отца. Приятно видеть, как мужики о тебя глаза ломают, и знать, что ты со мной.

Он говорит так громко, что его слышат не только за нашим столом, но и за соседним.

Хочется оттолкнуть Никиту с такой силой, чтобы треснул стул, но... я гипнотизирую огромный букет в центре стола. Ни одного знакомого цветка, надо же.

Никита запускает ладонь в вырез платья на спине, чертит кончиком пальца круги вокруг лопаток. Ничего непристойного, но от каждого прикосновения меня бросает в нехорошую дрожь. Слепая и мучительная влюбленность трансформировалась в отвращение такой же силы.

Непроизвольно выгибаю спину, чтобы избежать нежеланного прикосновения.

– Мы можем пробраться на верхний этаж, там есть укромные места, – шепчет Никита слишком громко. Окружающие слышат его, но никто не удивляется.

Поворачиваюсь, встречаясь с ним взглядом.

– Пожалуйста, веди себя прилично. Хотя бы до конца аукциона, ладно? Ради меня, – добавляю осторожно.

В его глазах светится ирония, слишком горькая, чтобы быть случайной, и меня прошибает холодом с головы до пят. Похоже, Никита знает о происках отца и о моей миссии. Возможно, я не первая девушка, пытающаяся образумить буйного наследника.

– Мне наплевать на этих людей и на все это, – показывает взглядом на зал. – На-пле-вать.

– Тогда зачем было приходить на вечер? Ты сказал, что это событие года, невероятное действо...

– Да, так, но это не значит, что мною можно манипулировать. Эти люди мне не указ, и я не стану ни под кого подстраиваться.

В его голосе абсолютный холод, и я с окончательной ясностью понимаю, что Никита мне не по зубам. И не только он сам, а вся ситуация, их отношения с отцом, их прошлое...

У всех нас есть прошлое, и только время покажет, как крепко оно держит нас за горло.

Зря я вмешалась, зря согласилась. Возможно, от моего участия ситуация станет только хуже, потому что Никита отомстит отцу за вмешательство, и я не смогу это предотвратить.

Я ошиблась. Благие намерения и все такое.

Остается только ждать, что произойдет дальше.

В который раз ловлю на себе придиричивый мужской взгляд. Незнакомец снял смокинг, бабочка исчезла. Он в белой рубашке с закатанными рукавами. Следит за нами, по-

стукивая вилкой по ножке бокала. Вот-вот кинет вилку в нашу сторону, только непонятно в кого, в меня или в Никиту.

Не успеваю в этом разобраться, когда уже знакомая брюнетка подсаживается ближе и начинает допрос.

– Аля, я слышала, что вы визажист?

– Да. – Стараюсь казаться дружелюбной, хотя бы для того, чтобы предотвратить очередную драку.

– Можно записаться к вам на прием?

Брюнетка выглядит прекрасно, над ней поработали профессионалы. Моя помощь ей не нужна, но она хочет выведать секрет наших с Никитой отношений. Я не собираюсь обсуждать мои планы, поэтому обещаю перед отходом оставить ей номер телефона. Другими словами, лгу.

– Теперь понятно, почему вы так хорошо выглядите, – вы профессионалка, – громко говорит она с победной гримасой.

Я не реагирую на неуклюжую попытку меня оскорбить, это бессмысленно и неинтересно.

Однако Никита не упускает возможности вернуться к прошлому спору.

– Приятно быть с женщиной, которая за собой следит, а не разъедается, как свинья, – приподнимает бровь, оглядывая брюнетку.

Та скрипит зубами, на ее скулах расползаются красные пятна. Она вот-вот сорвется. Проводит ладонью по своим широким бедрам и прерывисто дышит. У нее красивая фигура, а Никита дразнит ее, пытаясь задеть и обидеть.

Так, как дразнил меня.

– А что будет, если я располнею? – спрашиваю, щурясь.

– Нет, ты не располнеешь, – уверенно и без заминки отвечает Никита. – Ты уже была толстой и знаешь, как это противно.

На нас смотрят все окружающие. Вернее, на меня. Еще бы! Слова Никиты отвратительны, у него нет никакого речевого фильтра.

Я растягиваю губы в улыбке, они кажутся резиновыми. Если покажу свое истинное отношение к Никите, то уже не смогу остановиться. Слух о том, что Королев нанял сыну спутницу с целью впечатлить элиту, будет слишком разрушительным для всех нас.

Глубокий вдох не добавляет спокойствия. Ярость струится по телу, требуя выхода.

Меня выручает случайность: отец Никиты вступает в торги. Вокруг начинается оживление, его подбадривают, желают удачи.

Над равномерным шумом раздается громогласное заявление Никиты: – Круиз?! Ты серьезно, а, пап? На фиг тебе это?! Будешь блевать от качки и обсуждать пенсию со стариками?

Королев-старший бледнеет до синевы, кажется хрупким и ломким, несмотря на немалый вес.

Я тщательно изучаю люстру, представляю, как ее снимают для чистки, как протирают каждую хрустальную каплю. Заткнуть Никиту я не могу, только если кляпом. И уйти не мо-

гу, не сейчас. Если спутница Никиты сбежит во время аукциона на глазах у всех, это добавит проблем его отцу, а я не могу так поступить.

Как будто этого позора мало, один из мужчин за столом обращается ко мне.

– Это правда, что вы были влюблены в Никиту со школьных лет?

– Правда чистой воды, да, Аля? – ухмыляется Никита. – Первая любовь навсегда, – заявляет авторитетно.

Придется сменить имя и место жительства, чтобы гарантированно не встречаться с этими людьми.

За столом ждут моего ответа, и я киваю. Со стороны моя гримаса похожа на смущение, но я испытываю физическую боль. По-прежнему сочувствую отцу Никиты, но ничем не могу ему помочь. И никакие связи и знакомства не стоят этого мучения. Королев-старший сдержал слово, представил меня влиятельным людям в косметическом бизнесе, которые пришли на вечер. Но сейчас мне не до карьеры. Мне бы выжить, не умереть от стыда. Грудь сдавило, не продохнуть. Срочно нужен свежий воздух подальше от Никиты.

– У вас очень стойкие чувства, – смеется кто-то. Если Никита считает этих людей друзьями, то зря. Над ним смеются, так же, как раньше смеялись надо мной.

И я на их стороне.

Ворчливый незнакомец продолжает крутить в руках вилку, его настроение не улучшилось.

– Как была слепой, так и осталась! – заявляет и отворачивается к сцене.

Эти слова цепляют, и я дергаю Никиту за рукав.

– Кто это? Откуда он меня знает?

– Ты что, не узнала? – удивляется. – Хотя... я его часто вижу, поэтому привык. Это Егор!

– Егор? – Жду пояснений от Никиты, но получаю ответ от хозяина имени.

– Воронцов, – бросает через плечо, обжигая меня усмешкой на перекошенном лице.

Его гримасы и раньше показались знакомыми, но даже сейчас, зная, кто он, я его не узнаю. После школы прошло всего пять лет, но... Сидящий передо мной мужик выглядит так, будто съел щуплого лохматого заучку, с которым мы проучились одиннадцать лет.

– Правда, что ли... Егор? – спрашиваю потрясенно. Так же, как одноклассники спрашивали меня на вечере встреч.

Он не спешит оборачиваться, только машет рукой, чтобы я замолчала. Ах да, аукцион.

В торгах остались трое, Королев-старший не сдается, нервно ерзает после каждого повышения цены.

– Идиот! – зло выдает Никита, глядя на отца. – Лучше бы мне деньги отдал.

Егор бросает острый взгляд через плечо. Смотрит он, конечно же, на меня, а не на Никиту, и на его лице осуждение. Вызывающе задираю подбородок, хотя внутри все сжимает-

ся от стыда. Я надеялась, что пришла на вечер инкогнито, а оказалось, у моего позора есть свидетель, старый знакомый. Школьный заучка, преобразившийся во взрослого мужчину.

Неудивительно, что я не узнала Егора. Щупленький, невысокий, он увлекался «Звездными войнами» и старался походить на одного из героев, поэтому отказывался стричься. Из-под буйной шевелюры торчал кончик веснушчатого носа. Учителя жаловались, но родители всегда вставали на сторону сына. Хочет растить космы до плеч – пожалуйста, его право. Хочет носить в портфеле световой меч из «Звездных войн» – пусть носит, ведь он никому этим не вредит. После уроков Егор накидывал плащ джедая, доставал меч и гордо шел к родительской машине.

Вспоминаю об этом и улыбаюсь. В старших классах Егор перестал размахивать мечом, но так и не постригся. А теперь он вырос, накачал грудку мышц и выглядит так, словно съел трех школьных Егоров. Похоже, не одна я страдала комплексами по поводу внешности, и еще одному однокласснику удалось изменить себя в лучшую сторону. Однако на вечера встречи он не ходит, я не видела его на прошлых фотографиях. Егор всегда знал себе цену. В отличие от меня ему не нужно что-то доказывать одноклассникам.

Почувствовав мой взгляд, Егор дергается, как будто стряхивает его. Пожимаю плечами. Насильно мил не будешь. Егор всегда был острым на язык. Одноклассники считали это завистью – куда уж ему, мелкому и немощному, до парней

типа Никиты! Но Егор срывал звезды в других местах – бесконечные олимпиады по математике, не только городские, но и по стране. Умный парень, ничего не скажешь. Его не слишком доставали и не дразнили, было в нем что-то особенное. Незримое превосходство, заставлявшее парней обходить его стороной и не задирать, а порой и обращаться за помощью, в которой он никогда не отказывал. С раннего детства Егор знал, кто он такой и чего стоит, и остальное его не волновало.

Мы не виделись и не общались со школы, и, в принципе, мне все равно, что он обо мне думает. Вернее, я хочу, чтобы мне было все равно. Нам вместе детей не крестить. Пусть считает, что я до сих пор влюблена в Никиту и рада терпеть его выходки.

Никита ерзает, не может усидеть на месте. Аукцион его не интересует. В то время как остальные следят за действием, он перебрасывается взглядами с женщинами за соседними столиками и одновременно что-то ищет в вырезе моего платья.

Если бы во мне осталась хоть капля влюбленности, я бы расстраивалась. Ревновала бы, негодовала из-за его поведения. Надеюсь, что Изабелла тоже переросла чувства к Никите.

Допив вино, он вертит головой в поисках официанта.

– Должно же у них быть что-то покрепче...

– По-моему, тебе уже хватит, – говорю осторожно.

– Да ты что, детка, я только начал. Я большой мальчик, –

весело дергает бровями и добавляет: – во всех отношениях!

Я выскальзываю из его рук, силясь скрыть отвращение, но моя гримаса не ускользает от Никиты. Выругавшись и оттолкнув стул, он уходит в направлении бара.

Королев-старший бросает на меня встревоженный взгляд. Пусть уволит меня с почетной должности няни, но я не пойду за Никитой. Если он ввяжется в драку, так тому и быть. У моей ответственности есть пределы, и я только что их достигла.

Под всеобщие аплодисменты Королев-старший выигрывает лот. Он только что потратил сумму, в десяток раз превосходящую мой заработок за год.

Пока готовят новые лоты, ведущий объявляет перерыв.

– Значит, ты визажист.

Я не сразу нахожу источник голоса. В присутствии Никиты Егор вел себя грубо и невежливо, и я не ожидала, что он снова со мной заговорит.

– Да, – отвечаю неохотно.

– Другими словами, ты помогаешь женщинам обманывать мужчин, приукрашивая их внешний вид.

Это типичный для Егора выпад. Он изменился только внешне, а внутри так и остался непроходимым занудой.

– Именно так и написано на моей визитке.

– Внешний глянец – это ложь, – непримиримо говорит он. Остальные заняты разговорами, поэтому не обращают на нас

внимания.

– Если так, то зачем ты накачал мышцы? Выглядишь так, будто съел прежнего Егора.

Поджав губы, он комкает салфетку и отбрасывает в сторону.

– Я сделал это ради здоровья.

– Пусть ты сделал это ради здоровья, но все равно мышцы придают тебе внешний глянец. Так что никакая это не ложь, а способ самовыражения. Твоя внешность изменилась, но темперамент остался таким же очаровательным, как раньше, – говорю язвительно.

– Я удивлен, что ты заметила мои мышцы. Неужели тебе наконец удалось оторвать взгляд от Королева? – Егор насмешливо изгибает бровь и, наклонившись вперед, сжимает в руке многострадальную вилку. Я уязвила его, и вот прилетел ответ. – Надеюсь, ты не питаешь пустых надежд. Никиту женят на Изабелле, это без вариантов. Их родителям нужно слияние компаний, они готовятся к этому уже второй год. На рынке новые конкуренты, большие универсамы, и магазинам поменьше не справиться по отдельности. Поверь мне на слово и не питай иллюзий.

Я охотно ему верю. Отец Егора – владелец медийной империи, в число владений которого входит несколько журналов и телеканалов. Уж кто-кто, а журналисты докопаются до правды.

– Его родители никогда тебя не примут, – добавляет Егор, не замечая, что к нашему столу приближается Королев-старший.

– Не сомневаюсь, – отвечаю беззлобно, и в этот момент отец Никиты обнимает меня за плечи и подносит мою руку к губам. Он безумно рад, что первая часть аукциона прошла без серьезных инцидентов. Пара грубых выкриков Никиты не считается, их слышали только те, кто сидит поблизости. Судя по всему, мы находимся на безопасном расстоянии от самых важных людей.

– Красавица моя, можно вас на минутку? – Подвыпивший и усталый, Королев-старший уводит меня подальше от любопытных соседей по столу.

Лицо Егора темнеет грозовой тучей, и он снова хватается за вилку.

Когда мы с Королевым-старшим остаемся наедине, я показываю в сторону дверей.

– Никита в баре, я не смогла его остановить.

Он кивает и, потирая грудь, косится в сторону бара.

– Я найду его и заставлю выпить кофе. Мне жизненно важно, чтобы Ник познакомился с мэром, а тот только что прибыл. Мы планируем важную сделку, и все зависит от властей...

– Слияние компаний? – вырывается у меня, и Королев-старший бросает недобрый взгляд через плечо, на Егора, продолжающего избивать вилкой бокал.

– Помогите мне, Аля, и я буду вам по гроб должен! Я напою Ника кофе и верну сюда, а уж вы постарайтесь, чтобы он вел себя хорошо. После аукциона, как только вас представят мэру, я сразу увезу сына домой.

Во рту горький привкус, смесь неприязни и жалости. Сейчас Королев-старший выглядит отчаявшимся подвыпившим стариком. Даже если мне удастся помочь ему сегодня, завтра Никита все испортит. В таких делах нельзя жить одним днем.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спрашиваю взволнованно.

Он неуверенно кивает и потирает вспотевший лоб.

– Пойду найду Никиту!

– Напείτε его кофе. Как только аукцион закончится и мы познакомимся с мэром, я уйду, и дальше вам придется разбираться без меня.

Поблагодарив меня, Королев-старший направляется к бару, а я – в другую сторону.

Мне нужен перерыв, несколько минут одиночества, чтобы разобраться, во что я ввязалась. Не хочу делить людей на хороших и плохих, не хочу осуждать. Вообще не хочу ничего знать о Королевых и об их проблемах, мне своих хватает.

– Пытаешься идти как Изабелла, да? – усмехается знакомый голос. – Бедрями покачиваешь? Все как она делала? – Не знаю, куда направляется Егор, но он идет рядом и смотрит с жарким осуждением. – Ты всегда хотела занять ее ме-

сто. Думаешь, я не помню? Думаешь, никто не заметил, как ты покрасила кроссовки розовым фломастером, чтобы хоть чем-то походить на нее? Поздравляю, Аля, ты наконец заняла ее место, даже старика окрутила, чтобы вписаться в семью. Не ожидал от тебя такой прыти, в школе ты была бесхитростной. Только и знала, что пялилась на Королева обожающим взглядом...

У Егора еще много яда в запасе, он бы так и шел за мной до самого туалета и говорил гадости, но я резко остановилась, и он замолчал.

Он помнит, как я покрасила кроссовки.

Старые, потрепанные, со сношенной подошвой, они пахли плесенью, как и все остальное, купленное тетей в комиссионке. Я покрасила их розовым фломастером, и они казались мне волшебными туфельками Золушки. Когда одна из подошв отвалилась, я пришила ее толстыми нитками.

Это воспоминание слишком личное. Я не хочу им делиться.

Егор слишком многое знает и помнит, и от этого ноет внутри. Я уже знаю, что прошлое не переписать, но не хочу, чтобы оно подбиралось к поверхности. Чтобы меня тыкали в него носом.

Резко развернувшись, иду в противоположную сторону. Я напомнила Егору, каким щуплым он был в школе, а он в ответ – какой жалкой была я. Назовем это ничьей и расстанемся, пока не подрались. Королеву-старшему хватает забот и

без моей драки.

Я спешу, но Егор снова появляется рядом и берет меня за руку.

– Иди куда шла, а то еще не доберешься до туалета вовремя. На таких-то каблуках немудрено, – ворчит, но его голос звучит виновато.

Я не отвечаю.

– Обещаю, я больше не скажу ни слова о школе! – добавляет он раздраженно.

Вырвавшись из его хватки, спешу в туалет.

Розовые кроссовки.

Они были моим секретом. Моим маленьким шагом к большой мечте.

Привычными движениями поправляю макияж и долго смотрю на себя в зеркало. Маленькая девочка во мне гордится тем, кем я стала, чего добилась. Бывают минуты, когда мне хочется отомстить всем и вся за каждую каплю причиненной боли. Но потом эти минуты проходят, и тогда... у меня все хорошо.

Из кабинки доносится слабое всхлипывание, словно кто-то прижимает платок ко рту, заглушая звуки. Чужих проблем мне не надо, своих по горло. Я бы развернулась и ушла, но всхлипы такие горькие, будто плачет ребенок.

Топчусь на месте, сомневаюсь. Я и так уже ввязалась в непонятно какую авантюру с Королевыми, а все потому, что

хотела помочь. И в этот раз лучше не вмешиваться, пусть женщина плачет на здоровье. Что бы с ней ни приключилось.

Тянусь к дверной ручке, но в последний момент останавливаюсь.

– Вам нужна помощь? – спрашиваю на всякий случай. – Может, врача вызвать или еще кого...

– Не-е-ет, не надо, все хорошо-о-о. – Женщина пытается подавить рыдания.

Вздохнув, подхожу к кабинке.

– Психолог из меня никакой, но визажист приличный. Если вы собираетесь вернуться в зал, то я помогу вам привести себя в порядок. В школе я проплакала несколько лет подряд, и это не принесло никакой пользы. А оказалось, что получить желаемое очень просто – надо улыбаться и гордо задирать подбородок. Ну... и уменьшить задницу в полтора раза, это важный фактор.

Я не сразу понимаю, что из сказанного сработало, но женщина перестает плакать. За дверью кабинки раздается слабый смешок. Щелкает замок. Заплаканная женщина за пятьдесят открывает дверь и рассматривает меня, сидя на закрытом унитазе.

– В полтора раза?

– Ну... почти.

Она опускает взгляд на свои широкие бедра и вздыхает.

– Мне бы в два раза уменьшить.

– Если хотите знать мое мнение, то вам надо выпить шам-

панского и хорошо повеселиться. – Я протягиваю руку. – Вам помочь?

– Я и сама могу... – Выбравшись из кабинки, она подходит к зеркалу и с сомнением осматривает свое отекавшее лицо. – Но от профессиональной помощи не откажусь, – добавляет.

– Я сбегая за льдом, а вы пока выровняйте дыхание. Ни о чем не думайте, просто считайте глубокие вдохи-выдохи. Так быстрее восстановится цвет лица.

Когда я возвращаюсь с кубиками льда, женщина тщательно выполняет дыхательные упражнения.

– Вы в каком салоне работаете? – спрашивает требовательно. В ее голосе звучат большие деньги и привычка получать лучшее.

– Я в городе проездом.

– А... понятно. Я постоянная клиентка «Афродиты».

Кто бы сомневался!

– Я слышала, что это самый лучший салон в городе.

Женщина довольно улыбается, но радость быстро испаряется с ее лица, оставляя за собой слезную гримасу.

– Муж... всегда хотел для меня самого лучшего.

– Это замечательно.

Завернув лед в салфетки, легко касаюсь опухшей кожи под глазами, стараясь уменьшить отек.

– Раньше все *было* замечательно, – говорит женщина.

– М-м-м... – Порой в общении с клиентами глубокомысленное мычание – это все, что требуется.

– В каком городе вы живете? – спрашивает она, всхлипывая. Ей хочется поделиться своей бедой, но не с человеком, который потом распустит слухи. А раз я скоро уеду, то это шанс.

Я называю свой городок, и становится очевидно, что она никогда о нем не слышала. Кивнув, она косится на остальные кабинки, открытые и пустые.

– Муж и раньше был не без греха, но чтобы посадить свою... девицу за соседний стол, это... это неуважение ко мне! Все вокруг знают, что происходит, и смотрят на меня с сочувствием и пренебрежением. Это ужасно! – В ее глазах горят ревность и злоба.

После очередного «м-м-м» я подаю ей салфетку.

– Если вы хорошенько высморкаетесь, то голос не будет гнусавым.

Она следует моему совету и возвращается к рассказу о любовницах мужа.

Пока я привожу в порядок ее лицо, пользуясь тем малым, что у нас есть на двоих, узнаю всю подноготную их брака. Долгого и счастливого, если, конечно, не считать «грехи» мужа, которым нет счета. Пока жена мирилась с ними, все шло отлично, но публичное появление последней (очень молодой) любовницы поставило под угрозу практикуемую ею политику невмешательства.

К счастью, никаких советов от меня не требуется, только несколько минут времени и чуть-чуть косметики. Напо-

следок я подправляю ее прическу, чтобы начесанные локоны немного прикрывали лицо.

– Когда вернетесь за стол, чихните пару раз и пожалуйте на освежитель воздуха в туалете. Это объяснит покрасневшие глаза и лицо. И улыбайтесь. Пока не решите, что делать дальше, улыбайтесь. В школе я позволила одноклассникам пробить мою броню, и я очень об этом сожалею и до сих пор восстанавливаюсь. Держите броню!

Улыбнувшись, женщина пожимает мою руку.

– Это я должна давать вам советы, а не вы мне. Но спасибо, я постараюсь улыбаться. А вам счастливого возвращения домой... Можно узнать ваше имя?

– Аля Гончарова.

– Счастливого возвращения, Аля!

– И вам.

– Меня зовут Тамара Воинова. Наверяд ли мы с вами снова встретимся, но запомните мое имя на всякий случай, мало ли что. Если когда-нибудь понадобится помощь...

Она замолкает, вспомнив, что поделилась со мной секретами. Хотя я и так могу узнать, кто она такая, найдя ее в зале.

– Вам не о чем беспокоиться, – заверяю, пожимая ее руку.

Когда возвращаюсь в зал, ни отца Никиты, ни его самого на месте нет. Старательно не замечая Егора, беру с подноса официанта десерт. Торт. С шоколадным и ванильным кремом. Ломаю шоколадную корку ложечкой, сглатываю слюну.

Как же давно я не ела сладкого!

– Я на женщин так не смотрю, как ты смотришь на торт, – смеется Егор, но я упорно не обращаю на него внимания. Беру холодный шоколад в рот, и в ту же секунду удовольствие выстреливает в кровь, огненными молниями разбегаясь по телу.

– Если хочешь, съешь и мой десерт, – предлагает Егор, придвигаясь ближе. – Почему ты упорно смотришь в тарелку? Ты обиделась или накладные ресницы слишком тяжелые? – потешается.

– У меня свои ресницы! – не выдерживаю, и Егор довольно смеется. Удалось пробить меня на реакцию, вот и празднует. – Отстань от меня! Вон, смотри, какой лот, картина с квадратиками.

– Она называется «Любовь к живому».

– Шутишь?

– Нет.

Приглядываюсь к огромному полотну, но, хоть убей, не вижу ничего, кроме фиолетовых квадратов. Ничего живого, это уж точно.

– Вот и купи ее, а от меня отстань!

Егор бросает ленивый взгляд на сцену и пожимает плечами.

Не собираюсь с ним общаться. Мне неприятно, что он помнит про кроссовки, да и Никиту обсуждать не хочу. Я была бы рада повидаться с Егором на вечере встречи, но не

здесь. И не сейчас.

Отвернувшись, слежу за матерью Никиты. Она затягивает на плечах дорожную накидку, пухлые пальцы теребят кольцо. Она ощутимо взволнована и, не выдержав, направляется в сторону бара. Вот и славненько, пусть госпожа Королева подействует на сына, а я подожду.

Проходя мимо нашего столика, она бросает на меня умоляющий взгляд. Если они вскоре не вернуться, мне придется отправиться на помощь, хотя понятия не имею, что могу сделать.

– Ты раньше бывала на аукционах? – Егор не отстает от меня. Придвинувшись ближе, пытается привлечь мое внимание и завести светскую беседу. После нашей стычки он изменился, потеплел, что ли. Но это не значит, что я собираюсь с ним болтать, не после его злобных выпадов. – Аль!? Я задал вопрос. Ты раньше бывала на аукционах?

– Гм, – мычу неосознанно, следя за матерью Никиты.

– На каких? Благотворительных?

– Гм.

– А сегодня будешь участвовать в торгах?

– Гм.

Мать Никиты стоит в дверях, всплескивает руками и что-то возбужденно говорит. Наверное, мне следует присоединиться, но ноги отказываются подчиняться. Мне, как и Егору, очень хорошо без Никиты.

– Потратишь миллионы?

Я почти не слушаю Егора, поэтому отвечаю очередным «ГМ».

– Или триллионы?

– Гм.

Мать Никиты хватается за косяк, обнимает себя свободной рукой. Как и отец Никиты, она кажется больной, хрупкой. Не сомневаюсь, что в их отношениях все не так однозначно, особенно если Никите навязывают брак с Изабеллой. Как же я сожалею, что ввязалась в их проблемы!

– Какой лот тебя заинтересовал?

– Гм.

– Мне он тоже понравился. Красивая вещь.

– Гм.

– А мне еще нравится сорок второй лот. Бутерброд с колбасой и сыром, вещь исторической ценности.

– Гм.

Я полуосознанно слышу, что Егор порет чушь, но мне не до него. Мать Никиты хватается за голову, горестно качает ею из стороны в сторону, и эта немая сцена магнитом притягивает мой взгляд. Я вляпалась в центр семейного горя. Проблемы с бизнесом, стареющий больной отец, никчемный сын и страдающая мать.

– Я недавно женился.

– Гм.

– Очень пышная свадьба была. Семьсот гостей.

– Гм.

– Нет, не семьсот. Тысяча семьсот.

– Гм.

– Жена красавица.

– Гм.

– Она жираф и спит на дереве.

– Гм.

– Все с тобой понятно. Как всегда, ты не слушаешь никого, кроме Королева! – раздраженно заключает Егор и отодвигается в сторону. – Аль, вот скажи, почему ты такая слепая? Всегда была и до сих пор такой осталась. Он же кобель, эгоист и пьяница. Как можно такого любить, объясни мне, непонятливому! Знаешь, почему его мать убивается? Он наверняка учинил очередной беспредел, и охрана грозитя вышвырнуть его и вызвать полицию. Ты думала, куда он ушел? В библиотеку? В прошлый раз охрана поймала его с девицей за экспонатом, за большой лошадью...

Егор осекается, хмуро дергает бровями. Не иначе как волнуется, что эта информация меня расстроит. Как будто я не заметила, что брюнетка выскользнула из-за стола вскоре после Никиты!

– Троянской! – Вдруг становится смешно.

– Что?

– Лошадь, наверное, троянская, если они в ней прятались.

– Не в ней, а за ней. – Егор интерпретирует мой смех по-своему. Думает, что я смеюсь над ним, над его рассказами. Что не поверю ему и не стану слушать, потому что слепо

предана Никите. – Мое дело предупредить! – Насупившись, сжимает губы в бледную линию.

– А мое дело – быть слепой, – соглашаюсь примирительно. Я не собираюсь с ним спорить и ругаться тоже.

Внезапно Егор оборачивается и поднимает руку. Когда до меня доходит, что он делает, остается только покачать головой. Егор выиграл лот, над которым мы смеялись, – картину с фиолетовыми квадратами.

– Картина твоя, – говорит.

– За что ты меня так? – посмеиваюсь, однако не скрою, я впечатлена, хотя и толком не знаю чем.

– Ты сказала ее купить.

– Ты сделаешь все, что я скажу?

Егор делает глоток воды. Его лицо серьезное, строгое, как будто он раздумывает над моим вопросом. Потом смотрит на меня над краем бокала.

– Ни в коем случае! – говорит с нажимом. – Но картина твоя.

– Спасибо, но она не поместится в мою квартиру. Подари ее своей жене-жирафу.

– Значит, ты все-таки меня слушала?

– Ты с детства болтаешь всякие глупости, поэтому я слушаю тебя вполуха.

– Зараза ты!

– Ага, а ты типа дар небес. Откуда у тебя деньги на картину? Сам работаешь или тоже отцовскими деньгами разбра-

сываешься? – Это моя маленькая месть, но я улыбаюсь, потому что, не скрою, мне приятно болтать с Егором. Намного приятнее, чем слушать комплименты от Никиты.

Егор отвечает не сразу. Что-то в моих словах задело его, и он хмурится. Потом говорит, глядя на сцену.

– Не притворяйся, что я тебе интересен.

Пожав плечами, беру сумочку и поднимаюсь на ноги. Не получится у нас светской беседы, и не надо. Остался последний лот, аукцион почти закончен, а значит, и мои мучения тоже. Найду Никиту и, как только поговорим с мэром, исчезну, как и положено Золушке. Хоть в этот раз уйду красиво.

Единственное, что не хочется оставлять на этом вечере, так это вкуснейший торт с шоколадным и ванильным кремом. Я съела шоколад сверху, и от этого на языке осталась божественная сладость. А остальное – горечь с привкусом стыда. Нет разочарования сильнее, чем получить желаемое и обнаружить свою ошибку.

Около бара застаю неприятную сцену в самом разгаре. Бармен прижимает лед к скуле и возмущается, вокруг на полу разбитые бутылки и воняющая лужа алкоголя. Седовласый мужчина во фраке грозит заявить в полицию и позвонить в газеты. Королев-старший предлагает ему баснословные суммы в качестве компенсации, а мать Никиты плачет.

Виновника торжества и след простыл.

– Где он? – тихо спрашиваю, и мать пожимает плечами.

Смотрит на меня с неприязнью, словно обвиняя в исчезновении сына.

– Никитушку нигде не могут найти! – всхлипывает. Король-старший бросает на меня пустой, невидящий взгляд.

Смотрю на манящую лестницу, ведущую к выходу, потом на пожилых Королевых, отчаявшихся от горя, и...

Иду искать «Никитушку». Это будет моим последним жестом доброй воли.

Когда я возвращаюсь в зал, Егор печатает в телефоне. Я останавливаюсь рядом, и он неохотно поднимает на меня мрачный взгляд.

– Помоги мне найти троянскую лошадь! – шепчу, стараясь не привлечь внимание окружающих. – Это срочно!

Егор долго играет желваками, потом проводит ладонью по коротким волосам и качает головой.

– Не втягивай меня в свои игры! Найди другого идиота, – припечатывает.

– Не могу найти другого, ты самый подходящий.

Егор подкидывает телефон в руке, и я отодвигаюсь подальше, на всякий случай. Кто знает, на что способен злой джедай.

– Мне очень нужно найти Никиту.

– Нет!

– Пожалуйста!

Егор смотрит на меня исподлобья, злится так, что глаза сверкают, но все-таки поднимается с места.

– Разве можно быть такой дурой?! – бурчит, но дает знак следовать за ним.

Я еле поспеваю.

Основание лестницы огорожено, сверху табличка, уведомляющая уважаемых гостей, что верхние этажи музея закрыты. Егор с легкостью перемахивает через баррикаду и протягивает мне руку. Тут же, словно опомнившись, отдергивает ее. Значит, мне придется перелезть самой, без помощи.

Сняв туфли, аккуратно ставлю их на верх баррикады.

– Отвернись! – командуя, задирая платье.

– Держись у стены! У камеры узкий обзор, но все равно надо быть осторожней, а то через пару минут прибежит охрана. Площадки между этажами не попадают в угол обзора, там сможешь расслабиться.

– А ты откуда знаешь? Тоже навещал лошадь? – не удерживаюсь от колкости.

– Я это знаю, потому что вижу камеру. – Егор показывает наверх, но мне не до осмотра. Задрав узкое платье до попы, прыгаю через деревянные балки.

– Лихо ты! – смеется он.

Подняв глаза, встречаю отраженный взгляд Егора в темном окне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.